

Вера
Зверева

ИЗМЕННИ

сд мндд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Зверева
Измени со мной

«Автор»

2023

Зверева В.

Измени со мной / В. Зверева — «Автор», 2023

Что это, глупая игра или шутка? Мой коллега и лучший друг случайно проболтался о том, что мой жених изменяет мне. Что он хотел? Испортить мои отношения с будущим мужем и занять его место? А вдруг он не обманул, и мой любимый неверен мне? Кто из них врет? Кого из близких мне мужчин я потеряю в итоге?*** Я давно и тайно её люблю, но я всего лишь лучший друг. Еще немного, и она выйдет замуж за другого! Узнав об измене её жениха, я не могу не рассказать ей об этом, ведь у меня появится шанс. Я так хочу быть с ней вместе! Только всё идет не по плану, и теперь я не друг и не враг, а так... Отпустить ли её или бороться дальше? Сломать ли жизнь нам обоим или добиться её любви?*** От автора: Этот роман не об измене, он о настоящей любви, пробивающей себе дорогу сквозь препятствия и паутину лжи!

© Зверева В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 – Измени со мной	5
Глава 2 – Зая моя	9
Глава 3 – Давай вырежем границу	13
Глава 4 – Это круассан, а не ревность	17
Глава 5 – Эгоизм или героизм	20
Глава 6 – Вставь ключ и поверни обратно	24
Глава 7 – Бить или не бить? Вот, в чём вопрос	29
Глава 8 – Раз, два, три – признайся, но соври!	33
Глава 9 – В темноте лучше видно	38
Глава 10 – Крошка в моей постели	42
Глава 11 – Гады морские и не очень	47
Глава 12 – Это просто дождь	52
Глава 13 – 4, 3, 2, 1 – кончай!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вера Зверева

Измени со мной

Глава 1 – Измени со мной

– Измени со мной! – внезапно вырвалось у меня, и Кристина перестала улыбаться. С её прекрасного лица исчезло то мимолётное выражение, которое она являла исключительно глядя на меня, и я тут же пожалел, что расслабился и ляпнул эти слова.

– Дурак ты, Ром, – коротко ответила она и разочарованно отвела глаза, но из объятий моих выпутываться не спешила.

Ну, раз так, значит, надо воспользоваться шансом, да? Ведь если бы действительно не хотела, давно послала бы, а не танцевала со мной, медленно покачиваясь в такт музыке. Я набрался храбрости и попытался придать своему голосу легкомысленность. Если что, не поздно перевести всё в шутку.

– Я не собирался вас специально подслушивать, но вы, девушки, всё время забываете, что я мужик, а не мебель в вашем кабинете.

– И что же ты подслушал? – всё же подняла она на меня возмущённый взгляд зелено-вато-карих глаз, от которого у меня каждый раз мурашки бежали по телу.

Прямо как сейчас.

– То, как вы фантазировали, с кем бы стали изменять, чтобы отомстить неверному мужу. Я понимаю, что всё это было в шутку и даже сама Светка, которая завела разговор, не стала бы изменять своему Коле с Геней. Да и Гене она не так уж и нравится. Но ты...

– А что я? – испытующе посмотрела она на меня.

Я на всякий случай огляделся, не станет ли кто-то подслушивать нас в этот раз, в этом логове сплетниц и интриганок «бухгалтерии» надо держать ухо востро. Даже поздним пятничным вечером после празднования дня рождения их главной фурии, когда уже все, кто остался либо задумчиво гипнотизируют два недоеденных торта, сидя за столом, либо уже уехали домой. Разве что три девицы из отдела кадров, которых тоже пригласили, сидящие возле окна, могут что-то перехватить, но они, похоже, заняты чем-то своим очень интересным.

– А ты так и не ответила им, – напомнил я содержание того разговора, от которого у меня честного представителя сильного пола, уши в трубочку сворачивались. – Я так понял, что не смогла выбрать.

– И поэтому ты предлагаешь свою кандидатуру? – чуть насмешливо спросила она, но во взгляде мне почудилось, что она не просто так спросила, а ей действительно интересно.

– Так я просто идеально подхожу! Да и не могу я, как джентльмен позволить кому-то из моих неотёсанных и грубых коллег без капли фантазии выполнять такую ответственную работу.

Кристина прыснула, то ли изобразив скептический смешок, то ли и вправду не впечатлилась моей саморекламой. Но я-то только начал!

– А кто говорил о том, что вы будете что-то выполнять? Это же так, фантазии были. Ты же сам сказал, что всё слышал, – начала увливать она.

– А как вы ещё планировали изменять мужьям? Без участия других парней?

Кристина снова изменилась в лице и едва вернувшаяся мимолётная улыбка исчезла полностью, неосознанно она даже потёрла пальцами своё плечо, будто задумалась над этим вопросом. А как же она будет изменять?

– Это были фантазии, ты что не понял? Просто каждая из нас примерялась к ребятам в офисе, считай вот такой завуалированный «конкурс красоты».

– Ого, и как? У меня есть шансы оказаться на первом месте в твоём рейтинге? – мои руки скользнули по её тонкой талии вверх, чтобы помочь ей ответить на этот вопрос утвердительно. Ведь каждый раз, когда я так делал, её сердечко начинало стучать чаще, а к щекам прилиwała кровь.

Как хотелось увидеть это снова. Особенно если она в этот момент будет думать обо мне.

– Ром, это была шутка. Глупость. Я не собираюсь изменять Матвею, и ты в курсе этого. Зачем ты меня дразнишь?

Я так заводился от её этих витиеватых оправданий, будто бы я не вижу, что ей не безразличен. Просто она называет это скромным и неприятным для мужчины словом «друг». А Матвей её – тот ещё козёл.

Поэтому я продолжил!

– А ведь больше всего дразнит только то, что ты на самом деле хочешь. Ты бы выбрала меня? – допытывался я, понимая, что ответ очевиден. Никто из нашего офиса не мог её привлечь в большей степени, чем я. Не после всего того, что между нами было.

И не было, но очень хотелось. И я очень надеюсь, что не мне одному.

– А если нет? – склонила она голову набок.

– Ну как нет? Ты же сама сказала, что это конкурс красоты, а кто для тебя может быть «красивей», чем я? Тем более что после того, как все твои подружки разобрали начальство, остались только продавники, а их на конкурс даже звать не стоило.

– Дело не в красоте, Ром, ты же мой друг.

Ну, вот оно, ненавистное слово «друг». Хочешь убить мужчину и снять шкуру наживу, как с медведя, чтобы положить под свои ноги, назови его другом. Ты мой лучший друг, Ромочка, – пуля промеж глаз.

– То есть то, что я красивый ты не отрицаешь? – продолжил допытываться я, удивляясь, почему она до сих пор не сбежала, как обычно. Ох, уже это шампанское, оно творит чудеса с женской храбростью, доставая её из самых укромных уголков.

Кристина будто бы задумалась, разглядывая моё лицо, мужественную щетину, которую я не успел сбрить, спасибо начальнику, поднявшему меня сегодня в пять утра, и «бездонные» голубые глаза. Все женщины ведутся на мои голубые глаза и начинают звать меня Ромочка ещё до того, как я открываю рот в первый раз. Проверено, проштамповано, с гарантией!

– Не отрицаю, – чуть тише ответила она, и на её щеках разлился мягкий розовый румянец.

О, спасибо, французы, что изобрели этот божественный женский напиток, ударяющий им в голову. Только так и можно выудить правду из «подруги», как бы абсурдно это ни звучало. Я красивый для неё и этим всё сказано! Первый шаг сделан!

– Ну вот, значит, я идеальный кандидат на то, чтобы изменить со мной. А то, что я ещё и твой друг, открывает тебе невероятные возможности!

– Это какие ещё возможности? – не переставала она удивляться моей наглости.

– Доверять мне и точно знать, что наша тайна будет в надёжных руках, что я стану твоим верным любовником и не проболтаюсь при первой же возможности, как Матвей.

– Что? – Кристина замерла.

С моего лица сползла улыбка. Спасибо шампанское, что и мой язык развязало. Кажется, я зашёл слишком далеко.

– Что? – изобразил я из себя полного идиота. Впрочем, я он и есть. Не собирался я ей это говорить. Уж не вот так точно. К этому надо было основательно подготовиться.

Хороший из меня друг.

– Что значит, как Матвей? – нахмурилась она и теперь отстранилась от меня, прервав наш чувственный «дружеский» танец. Нервно убрала за ухо выпавший из причёски локон.

Я попытался прожевать и проглотить свой предательский язык. Хотя может быть зря я? Может быть, именно сейчас на этом офисном междусобойном недокорпоративе и пришло самое подходящее время узнать, что её гражданский муж Матвей изменяет ей вот уже несколько месяцев?

Чем этот день хуже других? Чем я хуже говнюка Матвея? Тем, что я скажу правду вместо него?

Ей я не могу врать. Почти. Не на эту тему точно. И чем больше ударов сердца отделяют вопрос от ответа, тем больше я убеждаюсь в этом.

– Давай выйдем, жутко душно, – намекнул я на то, что разговор не для праздных зевак с растопыренными ушами. Сплетен потом не оберёшься.

Но Кристина повела себя совсем не так, как я ожидал. Она резко развернулась и быстро пошла к креслу в уголке, где лежала её сумочка, накинула ремешок на плечо и тут же направилась к выходу. Явно не со мной разговаривать, а, кажется, собралась уезжать домой.

– Крис, стой! – рванул я за ней.

Она не притормозила в коридоре, а только ускорила, стуча каблуками напрямик к лифту на этаже. Я догнал её, когда она вынуждена была остановиться и сердито уставиться на табло с номерами этажей.

– Зачем ты так? – резко спросила она, но так и не взглянула на меня.

– Как так? – я оперся спиной на стену возле дверей лифта.

– Я думала ты мне друг! А ты! – двери разъехались, и Кристина ворвалась в лифт, будто там была не клаустрофобная железная коробка, а ещё один длинный коридор, по которому ещё есть куда бежать от меня.

– А я? Что я? – я влез в закрывающиеся створки и встал перед ней, лифт тронулся. – Я вообще не понимаю, как ты до сих пор не заметила того, что твой Матвей ходит налево!

– Ты врешь! – упрямо уставилась она на меня, распахнув свои глазищи. Сама хотела в это верить же, не вопросом, утверждением кинула в меня.

Я закипал от этой несправедливости.

– С чего я вру? Может, я... – я взъерошил свои волосы от волнения, – может, я потому и предложил, чтобы ты изменила ему со мной и отомстила за его неверность, что мне невыносимо больно смотреть на то, как он тебя обманывает! А ты ни сном, ни духом!

– Или ты просто запал на меня и теперь оговариваешь Матвея! А Ром? У тебя просто язык, наконец, развязался и ты решил, что можешь из-за того, что... что... – она запнулась и я на мгновение задумался, что же она может сказать ужасного про меня, чтобы оправдать в своих глазах своего неверного почти мужа.

– Что? – помог я ей. – Руби уж.

– Что не можешь свой нижний мозг под контролем держать! Вот что! Из-за этого ты считаешь, что я предаю мужа и прыгну к тебе в постель, только предложи! Ты ведь такой неотразимый!

– Крис, ну это же бред! Ты сама это знаешь!

Лифт качнулся, останавливаясь, и она лишь секунду смотрела на меня как на предателя, чуть раздувая ноздри в гневе. А потом развернулась и звонко зашагала по мраморному полу просторного холла к стеклянным дверям на выход.

– Я же твой друг! Ты сама говорила, – как последний идиот бежал я за ней по стоянке, – причём тут мой член и то, что он думает?

Кристина остановилась только у своей машины и открыв сумочку, чтобы достать ключи, обернулась.

– А в Питере? То, что было там, ты тоже спишешь на дружбу?

– Мы же уже разобрались с Питером, зачем ты начинаешь опять, а?

– Я тоже думала, что разобрались, – с обидой в голосе проговорила она и покачала головой, – а ты оказывается, просто затаился. Выждал всё это время подходящего момента, чтобы пойти в наступление. Придумал вот такой мерзкий предлог, что мне изменяет Матвей, и приплёл дурацкую женскую игру с примерянием к себе других мужчин. Ты... ты...

Ну, что тут скажешь. Я, наверное, и вправду болван и неправильно оценил характер самой Кристины, раз понадеялся, что она от одной только новости об измене Матвея, прыгнет мне на шею. Но, кажется, всё вышло ещё хуже, чем я думал.

– Я такой, какой я есть, – виновато сказал я, и положил руку на водительскую дверь, чтобы она не села в машину и не уехала от меня. Кажется, на этот раз навсегда.

– Ты дурак, Рома! – констатировала она неоспоримый факт, – Матвей не стал бы мне изменять. Я выхожу за него замуж через три месяца. И тебе ничего не светит, какими бы подлыми методами ты ни решил воспользоваться!

– Хочешь, я тебе докажу? – попытался я вытянуть счастливый лотерейный билет. Шанс один к миллиарду.

– Хочу, чтобы ты меня оставил в покое. Насовсем! – прикрикнула она в конце, дёргая дверь. Мне пришлось убрать руку, но перед тем, как Крис села в машину, я увидел, какая боль отразилась в её глазах.

Боль от того, что Матвей ей изменяет? Она всё же поверила?

Или от того, что она оттолкнула только что меня?

Я бы хотел быть эгоистом и верить во второй вариант. И да, я и есть эгоист. Но не с тем, что касается Кристины. Она слишком важна для меня. Слишком дорога.

И я не хочу быть её другом.

Я хочу быть с ней.

Глава 2 – Зая моя

Я тихо сняла туфли в прихожей, и на пальчиках прошла в гостиную, где негромко работал телевизор, несмотря на поздний час. Я не позвонила Матвею, когда уезжала из офиса, как обещала перед тем, как он уехал домой, и он мог волноваться за меня. Особенно если бы узнал, что я ещё час каталась по городу, чтобы выпустить пар.

Мой мобильник, брошенный на пассажирское сидение, несколько раз надрывался своим жужжанием и пытался свалиться на пол от вибрации, но трубку брать я не стала. Ромка перешёл все границы со своим заявлением, и это было уже не смешно, даже если в начале и заставило улыбнуться. Я и так знала, что он считает себя красавчиком и думает, что девушки от него просто падают замертво.

У меня на него иммунитет!

Но такое сказать про Матвея! Да он совсем... да что он... о себе возомнил?

Напился, не иначе. Вот протрезвеет, тогда и посмотрим, как он заговорит. Он просто распалился от нашего с девчонками разговора, и у него разыгралась фантазия. Тем более несложно его понять, учитывая, что у него давно нет девушки. Ну, да, мы с коллегами обсуждали наших офисных парней, кто кому нравится и чисто гипотетически, с кем хотелось бы оказаться в постели.

Гипотетически! Не более того.

Так вообще все делают.

Но это не значит, что мы всерьёз собирались изменять. Уж я-то особенно! У меня есть Матвей, и мы счастливы, мы давно живём вместе, собираемся официально оформить наши отношения. И то, что я не ответила на вопрос, не значило, что мне больше некого было выбрать в нашей конторе, кроме Ромки. На нём свет клином не сошёлся.

И вообще. Я же уже выбрала когда-то Матвея, и он работает в той же компании, что и я, пусть мы и нечасто пересекаемся из-за того, что трудимся совершенно в разных сферах и отделах. Но это вполне можно было бы считать за роман на работе, о котором шла речь. Разве нет?

Ромка заставил меня понервничать своими эмоциями. Всё же не даёт ему покоя наша поездка в Питер, но я не могу ничем ему с этим помочь. Ему уже давно пора понять, что та искра, что промелькнула между нами, как ему показалось, не значила ровным счётом ничего. Пролетела и растаяла.

И всё.

Я остановилась в дверях и с умилением посмотрела на любимого. Матвей спал сидя на диване и вытянув ноги, крепко обнимая подушечку, которую я обычно подкладываю под свою спину, когда мы вместе смотрим фильмы. Это так мило.

Я бесшумно подкралась по мягкому ковру и осторожно встала коленями на диван возле его ног. Протянула ладошки к лицу и поцеловала его в приоткрытые мягкие губы.

– М-м, зая, – проснулся Матвей, сонно раскрывая глаза и притягивая меня к себе руками, – ты наконец-то, вернулась.

Он сладко улыбнулся и затянул меня в ещё один нежный поцелуй тут же игриво проходясь языком по губам. Кажется, кто-то и вправду рад меня видеть.

– Я соскучился, – произнёс он, едва отрываясь от губ, – как посидели? Кто-нибудь станцевал стриптиз?

Да, пронеслось в моих мыслях, Рома устроил мне душевный стриптиз, оголив то, что мне совсем не хотелось увидеть. Но к чёрту Рому.

Матвей крепче обнял меня и завалил на диван, тут же выкинув подушечку, которая затесалась между нашими телами. Накрыл меня своей крупной, широкоплечей фигурой, почти

полностью скрывая под собой. Я такая миниатюрная по сравнению с ним со своим ростом и весом, что кажусь Дюймовочкой на его фоне. Он был таким горячим ото сна, что я чувствовала это даже сквозь одежду.

– И я соскучилась, – ответила я, когда его губы переместились на мою шею. – Чем занимался без меня? Смотрел кино? – попыталась я завести вежливый диалог.

– Мечтал о моменте, когда заполучу тебя в свои объятия. Ты такая холодненькая с улицы, хочешь, я тебя согрею?

С этими словами он потянул в стороны мою блузку так, что маленькие скользкие пуговички выныривали из петелек одна за другой. А когда открылись округлости в плотном гладком бюстгальтере, начал их целовать, довольно мыча, будто заполучил нечто невообразимо вкусное к ужину.

Мне только и осталось, что застонать, когда он подхватил меня под спину своими большими ладонями и нырнул лицом в глубокую ложбинку.

– Ох, Матвей, – выдохнула я, не на шутку распаяясь, – мне бы в душ сходить... я целый день в офисе...

Он отодвинул одну мягкую чашечку и поймал губами мой сосок, отчего по телу пробежала волна мурашек.

– Не хочу отпускать, я и так тебя ждал весь вечер, – рука, что осталась под спиной уже ловко расстегнула крюпочки и бюстгальтер совсем ослаб. Матвей сдвинул его вверх и уже открытым ртом ласкал мою грудь, все больше возбуждаясь, что я чувствовала своим бедром, к которому он прижался. Я тоже уже тяжело дышала, с головой ныряя в этот его разнузданный жар желания.

Рука любимого проскользнула по моей ноге и задрала юбку выше бёдер, пальцы скользнули мне между ног, и я резко вдохнула, подаваясь навстречу этому движению. Матвей оторвался от моей груди и поднялся на колени, торопливо задрал юбку двумя руками и стянул с меня сначала тонкие, почти прозрачные чулки, будь неладен офисный дресс-код, а потом за ними и трусики-стринги.

Не желая ждать больше ни минуты, он спустил свои домашние штаны, оказавшись по ним без белья, и сразу же пристроился между моих коленей, чтобы вставить.

– Хочешь меня? – игриво спросил он хриплым голосом, прислоняя головку к моим мягким губкам внизу, но дальше не двинулся, – или хочешь всё-таки в душ?

– Тебя, – застонала в нетерпении я, – конечно, тебя! Ох!

Он втолкнулся внутрь довольно резко, но это не было неприятно, хоть и чуть суховато из-за спешки. Матвей задвигался сразу же глубоко и размашисто, постанывая на каждом движении, задышал открытым ртом от удовольствия. Я прогнулась в спине и шире раздвинула колени, желая продолжать не меньше, чем он. Громкими шлепками и шумным дыханием заполнилась просторная комната.

Когда моё дыхание участилось ещё сильнее, а низ живота начало заполнять расплзающееся тепло, Матвей опустил локти надо мной и принялся целовать в губы, захватывая их по одной и смешивая наше дыхание, постанывая в них и шепча:

– Моя девочка, моя маленькая, такая...

Он ускорился, работая теперь одними бёдрами и вжимая меня в диван, я застонала громче и отрывистей, чувствуя, как сейчас моё нутро вспыхнет оргазмом. Любимый потянулся одной рукой и поднял мою ногу ближе к груди, это сделало своё дело, и я выгнулась, упираясь затылком в мягкие подушки. Внутри всё сжалось, и горячая волна разлилась по телу, отдавая ритмичной пульсацией.

– О-о-х... котено-ок, – застонал почти сразу после меня Матвей и продолжил двигаться, насладившись моими трепыханиями и конвульсиями не своим члене.

Меня уже вело от переполняющих физических ощущений, тело словно расплавлялось и превращалось в мягкий пластилин. Неосознанно я сжимала внутренние мышцы от удовольствия, и Матвей не смог продержаться сильно дольше меня. С громким протяжным стоном он кончил, вжимаясь последние разы особенно глубоко. Затем уткнул своё лицо в моё плечо, обжигая кожу горячим дыханием.

Я обнимала его и гладила по светлым, чуть выющимся волосам и не могла нарадоваться нашей горячей близости, нашей любви. Как? Как можно этого человека подозревать в неверности? Как можно даже подумать о таком, когда он вкладывает столько чувства в наши отношения. Настоящего чувства!

– Твоя юбочка помялась, – виновато поднял глаза Матвей, чмокнул меня сладко, придётся погладить. Ты юбочку, а я тебя.

Я засмеялась, хоть под его тяжестью и дышать-то было сложно.

– Опять меня на гладильную доску хочешь нагнуть.

– Я люблю шалить. А ты разве нет, мой игривый котёночек?

– Люблю, – я улыбаясь, чмокнула его в нос. – Но лучше тебе с меня слезть, пока я не превратилась в коврик.

Посмеиваясь, довольный Матвей разъединил наши тела. Я почувствовала, как прохладный воздух забирается между влажными частями тела. Мы не пользовались презервативами уже давно, полностью доверяя друг другу. А через несколько месяцев я перестану пить таблетки, и после свадьбы мы вплотную займёмся продолжением рода.

От этой мысли моя улыбка становилась шире.

У двери в комнату в сумочке, которую я поставила на пол, зажужжал мобильный. Он продолжал это делать, пока мы нежились и целовались в полуодетом виде на диване. Потом прерывался и начинал снова.

– Ну, кто там такой назойливый? – Матвей недовольно обернулся.

– Не знаю, плевать, мы заняты, – отмахнулась я почти уверенная, что я знаю, кто это звонит.

Теперь зазвонил телефон Матвея, который лежал на подлокотнике дивана до начала нашей страсти, а теперь валялся на ковре рядом. Матвей ворчливо зарычал и встал с меня, натянул на бедра штаны и поднял с пола телефон. Нахмурился, глядя на экран, и резко ответил, приняв вызов.

– Ром, ты охренел? Ты на часы смотришь хоть иногда для разнообразия?

Громкость стояла большая, потому мне было слышно и то, как Ромка взволнованным голосом начала расспрашивать его.

– Крис дома? Она вернулась? Она трубку не берёт!

– Зачем тебе Кристина в нерабочее время? – грубо огрызнулся любимый.

– Она за руль села после шампанского! На звонки не отвечает! Дома она или нет? – его голос заставил меня вздрогнуть. Неужели и вправду так волновался, а я ведь видела десяток его сообщений, но даже читать не стала.

– Да дома она уже, отвали! – резко закончил Матвей и прервал звонок. Недовольно сунул телефон в карман штанов и посмотрел на меня с укором.

Я смущённо опустила вконец измятую юбку и надвинула на место задранный лифчик.

– Я выпила всего один бокал, и это было за час до отъезда, ничего уже не осталось. Я хорошо ела! Честно!

– Смотри у меня! – пригрозил он пальцем, – отберу ведь машину, будешь на такси домой ездить! И вообще, твой Рома уже скоро у нас в постели окажется. Осади его или это сделаю я!

Я намеренно пропустила мимо ушей угрозу насчёт Ромки.

– Это моя машина и ты не можешь её отобрать.

Матвей сжал губы, но не стал продолжать эту тему.

– Я пойду всё-таки в душ, спать уже пора ложиться. И ты давай тоже, – он махнул руками на мой растрёпанный вид, – иди переодевайся.

Когда Матвей ушёл, и в ванной зашумела вода, я всё же вытащила телефон из сумки и пролистала длинный список пропущенных звонков и непрочитанных сообщений.

Ох, Ромка. Куда же тебя несёт?

Сняв рабочую одежду, я отнесла её в ванную и бросила в корзину для белья, потом осторожно подошла к душевой дверце и уставилась на моего будущего мужа, намыливающего себя губкой.

– Матвей? – позвала я его.

– М-м? Что? – не оборачиваясь, спросил он.

– А почему ты назвал меня зайей, а не котёнком, как всегда?

Глава 3 – Давай вырежем границу

– Ну, Ромочка, – Катя придвинулась ещё ближе ко мне за столом в общей офисной кухне. Выждала момент, когда все разбежались, налив кофе и набрав свежих кексов, что принесли из буфета. – Ну, пойдём со мной в кафе, пообедаем, – продолжила она, – тебе не надоело есть одни печенья и булки отсюда? Поедим нормальной еды, супчик твой любимый, Том Ям. А?

– Катя, я не голоден, – спокойно ответил я, снова делая вид, что больше всего на свете меня интересует кофе в моей кружке добытый из кофеварки, которым я две минуты назад обварил свой язык почти до состояния бесчувственного куска мяса. И теперь, когда я его заливаю в рот, всё равно ничего не ощущаю, потому даже не морщусь.

– Как ты можешь быть не голоден, два часа дня уже, а ты с семи на работе? – продолжала назойливая Беляева. Некоторое время назад я и был бы, наверное, рад её вниманию, всё же не последняя красавица в нашем офисе. Но не сейчас.

Сейчас я в засаде!

С самого утра караулил Кристину, чтобы поговорить с ней, но та, как назло, только и делала, что шифровалась и скрывалась от меня, будто совершенно не желала видеть. Несмотря на то что мы работаем над одним проектом, она умудрялась постоянно кого-то ко мне подсылать вместо себя или решать все вопросы через переписку в рабочем чате, чтобы я не задал лишних вопросов.

Хотя... я бы даже и не вопросы задавал. Скорей наоборот, хотел бы дать ей ответы, которые ей не понравятся.

– Рома! Ну, что с тобой? – Катерина сложила бровки домиком и губки надула, тёмно-розовая помада делала их визуально ещё больше, чем накачанный в них филлер.

Если бы я себя не знал, то подумал бы, что она пытается за мной приударить. Но я себя знаю, и этот мужик совсем не из приятных. Любит обижать и расстраивать красивых девушек на досуге, да так, что они потом от него, как от чумы бегают.

– Давай в другой раз, у меня живот болит после вчерашнего, – наконец-то, придумал я вменяемую отговорку. После вчерашнего празднования дня рождения главбуха пара человек вообще не пришли на работу, отравились. Торт или пирожные были несвежими, я не знаю. Катя вот жива, здорова и очень прилипчива.

– Это потому ты так внезапно сбежал? Я думала, ты меня домой проводишь, как в прошлый раз, – проговорила она чуть более сладким голосом, и я медленно перевёл взгляд на её идеально накрашенное лицо.

В прошлый раз я провожал её домой два с половиной месяца назад, и это было после дня рождения начальника отдела кадров, куда и меня по старой дружбе пригласили. Нет, в принципе было весело, потому что малинник кадровичек разбавляли мы половиной отдела разработки, и соотношение девчонок к парням стало почти два к одному. Всё лучше, чем на днюхе главбуха, где на каждые десять девчонок оказалось трое наших, особо стойких. И все угощения – сплошные торты и шампанское, так и умереть можно от диабета.

Но Катя. Она в тот раз неплохо накатила Мартини, и одну её домой отпустить было нельзя. К её счастью, я живу на соседней улице и вызвался побыть рыцарем в сверкающих доспехах. Отвёз её домой на такси и даже поднял на этаж, открыл выпавшим из её рук ключом квартиру и почти занёс её туда.

Сам я, конечно, тоже был «красавец», потому что начальник отдела кадров Глеб Семёнович, кроме Мартини для девчонок, припас ещё и вискарь для мальчишек. Но если я попал ключом в замочную скважину – значит, почти трезв!

Кроме одного НО.

В какой-то момент я очнулся в Катиных объятьях, а её язык обнаружился в моём рту. А мой в её. Ну и руки в соответствующих ситуации позициях на нужных выпуклостях человеческого рельефа. Если бы Катю не затошнило, то не знаю, чем бы это всё кончилось. Очередным поводом для сплетен это точно! Потому что Катя сразу понесла бы по офису благую весть о том, как я хорош в постели (а это так!), и на меня оглядывались бы с блеском в глазах все свободные девушки, включая главбуха, которая первой разморозила это тошнотворное «Ромочка» в момент моего трудоустройства и выдачи зарплатной карты.

В этом, конечно, ничего плохого не было... но только два месяца назад. Сейчас я бы категорически этого не хотел. Не после Питера.

– Я бы не смог тебя проводить в этот раз, – я скосил глаза на наручные часы, если Кристина не придёт сейчас за чаем, то тогда она появится не раньше пяти вечера, когда её отдел ходит всей толпой на перекус.

Катя придвинулась ещё ближе, скрипнув стулом по мраморному полу.

– Ты плохо себя чувствовал, да? – сочувственно спросила она и положила руку на моё колено. Явно не та часть тела, которая у меня вчера могла болеть, ну да ладно.

– Очень! – соврал я лишь отчасти, потому что чувствовал себя паршиво, но не физически, а морально. Меня мучила совесть, которая пришла в гости ровно в тот момент, когда выветрилось шампанское, и я понял, что же я наделал с моей бедной Кристинкой.

Как бы я ни размечтался о своём, она всё же любит Матвея. Любовь зла, полюбишь и такого горного козла, как он, но сердечко её разбивать не хотелось. Вот что это за выбор такой, а?

– Ром, а давай я за тобой поухаживаю? Пойдем, ко мне в кабинет, у меня лекарства разные есть для желудка? Быстро тебя на ноги поставим, как новенький будешь! – воодушевлённо рассказывала она мне свои планы, но я, глядя в её глаза, начал отчётливо понимать, что ставить она собралась только нужную ей часть меня, а не всего целиком.

– Я... – в мозгу вата, язык варёный, – у меня назначено к начальнику на ковёр через десять минут.

Как легко врать, когда ложь во спасение меня же любимого.

Сквозь стеклянную стену кухни я увидел Кристину, идущую по коридору прямо в мою сторону, сердце подскочило к горлу и мысли тут же зашпательнулись, как пьяные. Рука, тянувшаяся к кружке с остатками ещё горячего кофе, вдруг соскользнула из-за нетвёрдой хватки, и та завалилась на бок. Бурый напиток хлынул на стол и жидким водопадом с него прямо на мои колени и, судя по вскрикнувшей и подскочившей Кате, её тоже.

– Ай, ой! Горячо! – Она уже стояла, почти отбросив стул, и пыталась стряхнуть с себя горячие капли. – Моя юбка!

Я не мог оторвать взгляд от Кристины, его к ней будто гвоздями прибили. Она словно плыла в замедленной съёмке, точёная фигурка под белой блузочкой и узкой юбкой, волосы, схваченные наспех заколкой «крабиком», и эти локоны, вечно рвущиеся на свободу. Как и моё сердце.

Ой, всё. Опять накрывает.

Машинально я нащупал салфетки на подставке, даже не переводя взгляд на Катю, и начал тереть ей что-то, где-то... мягкое.

– Ну всё, Хромов! С тебя ужин за испорченную юбку! Кофе не отстирывается!

– Хорошо, ужин так ужин! – на автомате ответил я.

– Я выберу время и место! И не увилить! – возмутилась она моим невниманием. Чего жалуется, я вон на всё уже согласен. Потому что...

Она идёт ко мне...

Или не ко мне, а к кексам, но мне без разницы. У меня паралич нервной деятельности, включая функции мозга.

– Хорошо, Кать! Прости меня неуклюжего, я нечаянно, – я обратил на неё внимание, понял, что вытираю там, где девушек лапать некультурно, но она всё равно не против. – Ты мне напиши потом, хорошо? Сейчас беги, пока тебя не увидели с этим пятнищем!

– Ой, да! – от мысли, что она может опозориться на весь офис, Беляеву, как ветром сдуло, и она умчалась в свой кабинет, заливать раны... в смысле ожоги от моего горячего кофе, и обморожения от холодного внимания.

Я тут же подскочил как ошпаренный, что в принципе было объективной реальностью, и подошёл к кофеварке, чтобы изобразить, что именно это мне здесь и сейчас и нужно. Просто шёл мимо из своего кабинета куда-то на север и решил заглянуть в кухню, наполнить кружку горячим безвкусным кофе. Обычный вторник в офисе...

– Привет, – Кристина поставила свою кружку на стол, и открыла шкафчик, где стояла коробка с чайными пакетиками.

Она со мной разговаривает! Я выдохнул как полный дебил, но, кажется, достаточно тихо, чтобы не услышала этого позора.

– Привет, как ты себя чувствуешь? Голова не болит после вчерашнего?

Кристина спокойно уложила пакетик в кружку, включила чайник и только после этого обернулась на меня.

– Не болит, – ответила Крис, но её взгляд опустился на мои брюки, где прямо по ширинке расплзлось тёмное пятно. – Кажется, я прервала вашу с Катей беседу?

Она же не думает, что я увлажнил штаны с другой стороны, глядя на надутые порно-губы нашей кадровички? Значит, слухи всё-таки ползали и добрались даже до Крис?

– У меня с ней ничего нет! – выпалил я, кажется, краснея.

Кристина подняла взгляд и недоумённо моргнула, от её невообразимых глаз у меня засосало под ложечкой.

– Жаль, я бы желала тебе настоящего счастья, даже с Катей! – с жаром сказала она. Наигранно?

Даже? Что значит, даже? Да на Катю пол-отдела разработки в ночную смену медитирует, а мне и напрягаться не надо!

– В смысле? – я тупил, такое при ней бывает.

– Ну, тогда ты бы не стал говорить мне такие вещи про Матвея, – она вновь опустила глаза и отвернулась к своей красивой прозрачной кружечке с какими-то иероглифами, чтобы поправить верёвочку у чайного пакетика, будто ей неудобно лежать.

Блин, я её расстроил, кажется, очень сильно. Я уже сто раз пожалел, что проговорился про измену, но она выглядит такой грустной, будто спросила Матвея, и он ей всё подтвердил? Может быть такое?

– Я не хотел тебя вот так расстраивать, но Матвей...

– Ром, ты меня не просто расстроил! – вдруг возмутилась она, – я половину дороги только и думала об этом! Что он меня может обманывать! Ты себе не представляешь, каково это? Что это значит?

– Ну почему ж, я – начал было я вспоминать моё не самое счастливое прошлое, но у Крис так блеснули глаза, что я проглотил слова. – Ты права, я не знаю. И мне жаль, прости меня.

Ну, вот как это, а? При звуках флейты теряю силу воли? Соберись Хромов, ты мужик или где? Её жених какую-то бабу у нас прямо в офисе шпилит, а она страдает по нему! Скажи, скажи!

– Я ему вчера такое сказала! – поделилась она, и я заметил, как часто начали подниматься её плечи от дыхания. Разволновалась. Вот я козлиная-то.

– Какое? – перешёл я в режим виноватого, но заботливого друга.

– Я ему... – она глянула на меня коротко и чуть зарделась, – я его чуть ли не в постели спросила, почему он меня назвал зай, а не котёнком! Ты представляешь, что он почувствовал? Что он подумал, как я о нём думаю? Что я тебе поверила!

Она взглянула на меня так, будто это я её Матвею по самому ценному напильником прошёлся, а не она спросила какую-то милую глупость, про зайчиков и котят. А потом у меня перед глазами всплыла эта картина, где бугай Матвей, что на полголовы выше меня, подминает под себя её хрупкую фигурку, называя котёночком. Взгляд начала застилать красная пелена с жирными чёрными точками.

Кофе перепил, не иначе. Шутка ли, ждать её тут два часа на каждой чашке делая вид, что она первая. Тахикардия как перед инфарктом.

Или это Кристина на меня так действует.

– А он что? – изобразил я беспокойство.

– А он... – Крис замялась, – обиделся! Пришлось просить прощение! Как вообще такое могло в голову прийти? Зачем ты мне это сказал? Глупая была шутка!

Я открыл было рот, но слова просто не лезли из меня. Застряли как фура в дворовой арке. Чёрт, я не могу. Ей так больно! Я не могу делать ей больно! Хоть убейте меня, и кожу снимите живьём!

– Это всё шампанское, – я виновато опустил глаза.

Она тоже начала снова теревить верёвочку.

– Ром, нам надо поменьше видеться с тобой, – вдруг грустно сказала она.

– Что? – опешил я. Как это поменьше? Мне надо побольше! У меня ломка начинается, я загнусь без её глаз и этого карамельно-цветочного запаха духов. Вслух вышло скромней, – как поменьше? Мы же работаем на одном проекте?

– Ну вот только по работе и общаться, Матвей ведь прав.

– Это в чём же?

– Мы с тобой слишком близки для друзей.

– Мы? Мы просто хорошие друзья! Мы столько пережили вместе! Мы просто сблизились как... как люди! Не больше! Заботимся друг о друге, общаемся, работаем, в конце концов!

– Пора уже очертить границу нашей дружбы, Ром.

– Границу? – вот теперь моё сердце, кажется, начало крошиться и осыпаться куда-то под ноги.

– Да, границу, – повторила она это ужасное слово, – у меня скоро свадьба. Мне нужно ей заниматься, выбирать платье, оформление, приглашения.

– Так я могу помочь!

– Ром, – она посмотрела на меня так печально, будто сама не верила, что говорит эти слова. – Не ты, это будут делать мои подруги. А ты... сходи поужинать с Катей.

Она слышала наш разговор с Беляевой. И что? Пытается теперь себя заменить этой надувной куклой?

– Крис... – меня будто в ванну с жидким азотом макнули.

Она налила кипятка в кружку и подняла её осторожно двумя руками.

– Я пойду, Ром, – она отвернулась, – увидимся на планёрке.

Бросила через плечо и ушла. А моё сердце потащилось за ней на верёвочке, как отжатый и промытый чайный пакетик.

Глава 4 – Это круассан, а не ревность

Рома сегодня снова работал у нас в кабинете. За последние несколько месяцев из-за расширения штата это уже пятый раз, когда он приходит к новичкам натаскивать их по проектам и их правильному просчёту. Он, как замначальника отдела разработки, курирует взаимодействие с нашим финансовым, чтобы мы правильно оформляли всю денежную составляющую их контрактов и программ техподдержки. Сложно, но очень интересно. Правда, с первого раза, новички небыстро въезжают в специфику и поэтому он снова у нас, обучает очередную сотрудницу.

Мне из другого конца кабинета было отлично видно, что первые пару часов до обеда новая девушка Ира сначала долго хмурилась, пытаясь вникнуть, а потом постепенно её лицо разгладилось под его спокойный, тихий голос, и она даже начала улыбаться. Он, наверное, снова шутит в своей манере, чтобы снять напряжение и избавить Иру от неуверенности в своих силах.

Я вздохнула и опустила взгляд на свой монитор с таблицами и цифрами, у меня есть своя работа и её надо доделать, а не наблюдать как шпион за тем, что делает Рома.

В прошлый раз он так тихо сидел, что про него забыли и начали обсуждать парней офиса, что вылилось в итоге в тот неприятный разговор. Хотелось надеяться, что его предположение всё же было шуткой.

Ира рассмеялась, и я снова подняла глаза над монитором, выглядывая в их сторону. Рома умудрился ровно в тот же момент взглянуть на меня, и я вспыхнула, будто застала его за чем-то, что не стоило видеть, и быстро отвела глаза. Блин, это же ещё более палевно, чем просто пялиться на него втихую.

Когда-то давно и я тоже сидела вот так, с распахнутыми от ужаса глазами, и мой мозг отказывался воспринимать сложную информацию, но Рома... Его голос и присутствие рядом делали своё волшебство, да так, что на следующий день только и хотелось совершить ошибку, чтобы он снова пришёл и сел рядом. Так делали, как минимум, двое из наших девчонок, и я понимаю почему. Они тоже до сих пор с лёгкой улыбкой и, быть может, даже завистью посматривают на счастливицу Иру.

А потом был Питер и вежливая, но всё же отстранённость Ромы, которую он держит со всеми коллегами, куда-то пропала. Потерялась в той долгой дороге, как и расстояние между нами.

– А ты бы его выбрала, да? – шёпотом спросила Марина, чуть наклонившись из-за соседнего стола в мою сторону. Я шикнула на неё, пока Рома не услышал ещё один ненужный разговор.

– Ты о чём? – я сделала вид, что не понимаю или банально не помню.

– Ты знаешь, о чём я. И я знаю. Я вижу, как ты на него смотришь весь день, – не унималась Марина.

Мы, конечно, с ней дружим, но не настолько, чтобы я выкладывала ей все свои мысли относительно Ромы.

– Давай не сейчас, – я глянула на неё, нахмурившись.

– Пойдём чаю нальём!

– Я не хочу, – чуть более громко отмахнулась я, понимая, что она что-то задумала.

– Хочешь! – возразила она, – Пойдём. Принесёшь ему кекс или пирожок, а то он с утра не ходил на перерыв, так и сидит у нас.

Я только сейчас поняла, что да, Рома так и сидит с момента прихода к нам утром, даже не смотря на то, что всё, включая Иру, уже ходили на перерывы раза по три. Голодный, наверное. Отчего-то я заволновалась.

– Ладно, пойдём, – пришлось согласиться на её хитрое предложение. Мы встали из-за столов и тихо прошли через кабинет на выход. Я старалась не смотреть на него, проходя мимо, но будто бы спиной чувствовала на себе его взгляд.

Я теперь постоянно его чувствую, если оказываюсь рядом. Всю ту неделю, что прошла с момента, как я объявила ему, что пора провести границу. Кажется, между нами появилась не только она, но и широкая заградительная полоса и колючая проволока. Рома едва разговаривал со мной.

На кухне сидели пара одиночек с кружками из разных отделов и Беляева с подружкой за столиком у окна, они рассматривали что-то в её телефоне. Мы налили себе чаю и уселись в противоположном углу. Это была идея Марины, она недолюбливала Катю за то, что она являлась у нас главным распространителем слухов. Сказать что-то при ней, означало почти стопроцентную гарантию, что скоро об этом будет знать вся компания, вплоть до уборщиц.

Марина даже не поставила на стол свою кружку, а сразу начала жадно пить. Я села рядом спиной к окну. Мой чай был пока слишком горячим, чтобы пробовать его, потому я просто поставила кружку рядом с бумажной тарелкой, на которой лежал круассан для Ромы.

– Ты выбрала самый красивый круассан, – зачем-то сказала Марина.

– И что?

– Ничего, – пожала плечами она, делая вид, что ничего не задумала. Но её распирало вопросами, это было видно. Не прошло и минуты, она выпалила, – вы что поссорились?

– Кто? – я сегодня не была настроена разгадывать ребусы.

– Кристина! Ты и Рома, конечно же. Вы уже почти неделю толком не разговариваете, ты не ходишь с ним на перерывы пить кофе, не обсуждаете до хрипоты ваш проект, всё в чате строчите. Что за кошка между вами пробежала?

Этого кота зовут Матвей, нервно подумала я, но отвечать так не стала. Это слишком личное.

– Вы после совместной командировки были просто не разлей вода, а теперь друг на друга только тайком смотрите, не говори мне, что ничего не произошло, – заговорщицки зашептала Марина, поглядывая на Катю.

– Просто всё, наконец-то, встало на свои места, мы с Ромой коллеги и друзья. И ведём себя соответственно.

– А до этого тогда, кем были? – задала, как ей казалось, логичный вопрос подруга.

И я зависла на этом вопросе, честно не зная, как ответить. А до этого, кто мы друг другу были? Друзья, как я считала. Как мы и договорились. Я посмотрела на самый красивый и румяный круассан, лежащий на тарелке. Не знаю, выбрала бы я его для Матвея.

– Твоё молчание очень красноречиво, подруга, – не выдержала Марина моего ступора.

– Нет между нами ничего, и не было, не надо придумывать, – я невольно вздохнула.

– Тогда, почему ты мне не рассказываешь, что было в Питере? Мне? Твоей лучшей подруге! Я знаю, всё о твоих родителях, сестре, о том, как ест Матвей и что предпочитает в сексе, но что случилось в Питере, ты не говоришь. Как так? Что это за тайна такая? Тем более, если Рома тебе просто друг?

– Ничего там не было! – вспыхнула я, – ничего, что стоило бы обсуждать!

Сердце забилось быстрее, хотя причин для того совершенно не было. Ничего не произошло в Питере. Просто об этом «ничего» мы пообещали друг другу никому не рассказывать. Вот и всё!

– Я тебя не понимаю, Крис. Даже если и вправду ничего не было и вы с ним просто друзья, почему перестали общаться? На него же смотреть больно, он весь потух, выцвел как будто. Раньше только и было слышен ваш смех, а теперь тишина и печальные взгляды. Ну разве бывает такое с друзьями?

– Бывает, – я виновато отвела глаза. Я ведь тоже заметила, как разительно изменилось его поведение, он даже перестал флиртовать с девушками. А раньше только и делал, что дразнил меня этим.

– Это из-за Матвея? И вашей свадьбы? Это его была идея? Да? – прозорливо предположила Марина. – Он ревнует?

– Нет, он не ревнует! – нервно ответила я, – и вообще это была моя идея, потому что мы проводили с Ромой слишком много времени. Я замуж выхожу и должна проводить его со своим женихом, разве это не логично?

– Твой жених работает на другом этаже в другом отделе, вы разве что пообедать вместе можете, да домой уехать. А Рома всегда рядом.

– Именно! Рядом и слишком близко, – я снова устала на круассан. Видимо, настолько близко, что я даже не предполагала, что на его шуточный вопрос мне захочется дать ответ.

Не знаю, ответила бы я «да», но, кажется, и «нет» не смогла бы сказать.

К этому выводу я пришла поздно ночью после дня рождения, когда Матвей успокоился и лёг спать. Я долго анализировала свою реакцию на всё произошедшее в тот день и пришла к неутешительному выводу.

Я не верю в измену Матвея, о которой сказал Рома. И это прекрасно в наших отношениях – полное доверие!

Но при этом я не смогла бы дать Роме чёткий ответ на его другой вопрос. Когда его руки скользили по моей талии, а невыносимо голубые глаза с искорками заглядывали в мои, я совершенно неосознанно начинала смотреть на его губы.

Потому что помню их вкус.

– Рома, я нашла! – вдруг громко и радостно завопила Беляева, и мы с Мариной обернулись на неё, – сегодня или никогда! Хватит кормить меня завтраками, покорми меня уже ужином! Я кинула тебе ссылку на ресторан, жду тебя после шести, зайди за мной! – нарочито громко говорила она в телефон.

Будто хотела, чтобы все её гарантированно слышали. Или конкретно я слышала.

Я нервно сжала губы и отвернулась к столу. У Ромы сегодня свидание с Катей, как я ему и посоветовала. Ужин почти наверняка закончится проводами домой и Беляева, наконец, сможет рассказывать всем не только о том, как он шикарно целуется, но и продолжение.

Которое я не хочу слушать!

– Пойдём! У нас много работы! – я резко встала, и, взяв кружку с недопитым чаем, быстро пошла в сторону своего кабинета.

Круассан остался одиноко лежать на столе.

Глава 5 – Эгоизм или героизм

Где была моя голова, когда я соглашался отвести её на ужин? Нет, я помню, конечно, что она была прикреплена к телу, как и положено, но вид идущей ко мне Кристины, явно заставил потерять контроль над языком. Он и ответил без моего ведома. Неделю надеялся, что она забудет или смирится со своей участью. Не вышло.

Ресторан Катя выбрала японский, но приличный, не забегаловку, где таджики крутят роллы с тем, что купили в соседнем супермаркете, а среднего звена тематический, с красивой стилизованной под японский домик обстановкой. Где-то здесь, я знал, даже проводят чайные церемонии, и танцуют гейши для развлечения гостей. Девушки официантки ходили по залу в аккуратных скромных кимоно, вежливо улыбались и все время кланялись.

Беляева в третий раз перевернула страницу меню и снова наклонилась ко мне через стол, чтобы в развороте я видел не блюда японской кухни, а её декольте.

– Давай что-нибудь похожее выберем? Ты что любишь из рыбы? Угорь, тунец, лосось?

– Осьминогов, – наобум ответил я, смутно вспоминая, на что похожи эти резиновые штуки на вкус. Вроде на силикон.

– Да? – Катя забежала глазами по картинкам и названиям блюд, и я понадеялся, что осьминогов там нет. – О! Здесь шикарный Том Ям с тигровыми креветками и мидиями, тебе точно его закажем. Будешь? Конечно, будешь! – спросила и сама же ответила она.

Я бы удивился, если бы она потащила меня в другой ресторан, всё что она помнила о моих предпочтениях в еде, это как раз несчастный суп. Если бы не желание мне угодить, стала бы она идти в ресторан, где еда точно такая же, как в доставке, только в два раза дороже? Не знаю, какой цели она добивается, поест за мой счёт или слопать моего угря на десерт, оба варианта для меня могут оказаться слишком дорогими.

Первый, потому что она удивительно много ест для её фигуры, а второй, потому что о последствиях этой дегустации очень быстро узнает половина конторы, включая Кристину.

Я не хочу, чтобы она слушала, как Беляева делится впечатлениями. Пусть и отправила меня сама же на «стоянку для коллег» со своими границами. И вообще, впарила свидание с Катей взамен себя, будто я только и делал, что искал с кем бы замутить!

От этой мысли я закипал, но тут же сам себя остужал мысленной пощёчиной. Ты, Хромов, полный болван, потому что изначально согласился быть с ней друзьями. Чего теперь жаловаться на жизнь? Вот погуляю у неё на свадьбе и успокоюсь. Хотя, скорей всего, если меня вообще пригласят, я буду тем самым неудачником, кому в конце празднования жених будет подправлять аэродинамические свойства лица своим кулаком. Какая свадьба без драки, да?

– Ром, а что пить будем? Давай вино? – слишком ласково спросила она.

– Зелёный чай, завтра рабочий день, – довольно сухо ответил я, сделав вид, что выбираю, какой сашими у меня вызывает аппетит. Да никакой! Хотя пожрать надо бы. Закажу самые банальные роллы, чтобы Катя убедилась в том, что я скучный и предсказуемый. Может, отстанет.

– Ну, не-е-ет! – протянула она, открывая узкий буклет с напитками. – Такую вкуснятину нельзя портить чаем, это же фу. Надо белое вино или, может, рисовую водку? Давай по водочке, а? Просто разогреемся.

Я поднял на неё взгляд с ярких картинок риса, завёрнутого в рыбу или, прости господи, бекон. Разогреет меня и запрыгнет пока тёпленький? Пришлось вздохнуть. Не знаю, зачем, но, наверное, так будет лучше для того, чтобы давление на сердце сбросило пару бар.

Может правда покрепче?

– Ладно давай, – я закрыл меню, – заказывай. Мне суп и «Филадельфию», а себе, всё, что понравится. А я пойду, умоюсь.

– Конечно, Ром! Я всё закажу! – обрадовалась она. Ну всё, половина меню сейчас будет на столе или самая дорогая непонятная рыбина, которую она же потом и не будет есть.

Я быстро ретировался в дальний конец зала и заперся в маленькой уборной комнате, где встал перед зеркалом. Что-то меня кидает в жар сегодня, и вообще как-то хреново последние дни. Сидеть весь день и смотреть из-за монитора на Кристину... для этого уже не хватает моего хлипкого здоровья. Какая же она была сегодня воздушная. Поглядывала на меня украдкой и быстро прятала глаза.

Неужели сожалеет о «границе», которую сама же прочертила? Скучает? Вдруг думала обо мне весь день?

Ага, шаз! Размечтался! О Матвее она думает.

Я открыл кран и поплескал в лицо холодной водой, на рубашке остались тёмные мокрые пятнышки. Кого я пытаюсь обмануть? На фоне Матвея, с которым она вместе уже два года, я просто осёл рядом с элитным скакуном. У него и деньги, и должность... и Кристина. Она его любит, как она же и говорит. А в то, что она может врать в этом вопросе, я не могу поверить. Я же видел их вдвоём, у Крис так глаза горят, когда она на него смотрит. Это тебе не из-за монитора выглядывать и слать смайлики в чате.

Она же не может просто взять и перестать его любить?

Я набрал ещё одну пригоршню воды, но устался на неё, так и не плеснув в лицо.

Нет, я правда болван, либо мозги сегодня спеклись. Конечно, она его разлюбит, если узнает об измене! Это же предательство чистой воды! Девушки такого простить не могут. Кристина уж точно, она такая правильная и честная, что это был бы настоящий удар по её чувствам.

Только что это за выбор такой, если для того, чтобы открыть Крис глаза на её неблаговерного, мне придётся сделать ей очень больно?

Я выпустил воду из рук и устался на свою мокрую физиономию в зеркало. Это эгоизм или героизм?

Я же не просто так хочу, чтобы она узнала об измене. Я хочу её спасти от ещё большей боли, когда Матвей променяет её на какую-нибудь любовницу. Например, когда уже будет поздно и они поженятся, а потом придётся делить имущество, детей... Или он вообще бросит её беременную!

Чёртова тахикардия почти перекрыла мне кислород, даже шея покраснела. От мысли, что может произойти, если измена вскроется позже, после свадьбы, и как Матвей просто уничтожит этим мою маленькую Крис, у меня зашкаливал пульс, и подсакивало давление, будто я старпёр на молодой любовнице.

Я расстегнул ещё одну пуговицу на рубашке и попытался остыть.

Кажется, я не могу этого оставить просто так. Это теперь дело чести и совести. Этот ублюдок не должен обманывать её вот так запросто, натягивая кого-то на рабочем месте. Это должно ему дорого обойтись. А Крис? Я позабочусь о ней после, я её не оставлю. А если сама меня пошлёт, значит, так тому и быть. Но пусть лучше найдёт нормального мужика, чем с этим кобелём останется.

Надо только узнать, кого Матвей так задорно шпилит, что решился об этом похвастаться в корпоративном спортзале. Узнать и разоблачить. Добыть доказательства, неопровержимые и твёрдые. Макнуть его самодовольную физиономию в ту субстанцию, что он заслуживает.

Только вот как узнать такую интимную информацию?

Я вытерся бумажными полотенцами и вышел из туалета, спешно направился к столу, чтобы заправить, наконец, мой голодный, ничего не жравший весь день организм хоть чем-то, что мой желудок сможет переварить вместо самого себя.

Ну, конечно!

Я приближался к столу и смотрел на живой эпицентр сплетен в конторе. Катя наконец-то обрела в моих глазах свою роль, предначертанную судьбой и провидением. Она точно должна знать, с кем Матвей Востров развлекается на досуге втайне от невесты.

Я уселся и сразу заметил крошечные чашечки с рисовой водкой, она не пошутила. Ну ладно, для храбрости мне она пригодится, миссия должна быть выполнима, хотя бы таким способом и если мне для того, чтобы спасти Кристину, придётся ещё раз выпить с Беляевой, я пойду на любые жертвы!

– Рома! – обрадовалась она, – я уже заказала всё, давай выпьем пока, готовится.

– Давай! – воодушевлённо ответил я, вдохновлённый новым предназначением моей ничёмной жизни. Поднял прозрачную посудинку с крепким напитком.

– За нас! – обрадовалась она ещё сильнее тому, что я на всё соглашаюсь. Поднесла свою чашку и чокнулась.

Я практически зашвырнул водку в рот и тут же проглотил, даже не дав ей разогреть язык. Она обожгла пищевод и с грохотом слышимым в соседнем зале упала в пустой желудок. Показалось, что даже в кровь всосалась мгновенно, потому что жар снова ударил в лицо. У Кати, выпившей свою порцию целиком, тоже заблестели глаза.

Пока я собирался с мыслями, как её спросить про Матвея и не сразу же спалиться причиной этого интереса, она щебетала о всякой ерунде, обсуждала, кого куда повысили и за что уволили, кто пошёл на обучение, кто получил штраф, а потом и плавно перешла к тому, у кого с кем интрижка.

С этими рассказами её взгляд начал блуждать по моему лицу, залипать на губах, потом вдруг останавливаться на расстёгнутом вороте рубашки, где была едва видна тонкая серебряная цепочка.

– А Смирнова думает, что никто не знает о них с Игнатьевым отношениях, будто все слепые вокруг, представляешь? Но это же так очевидно! – не унималась она, едва давая вставить мне полслова. Ей в голову явно ударили все три чашки водки, что она поглотила между роллами. Распалась не на шутку и даже начала ещё более усиленно строить мне глазки и наваливаться высоким бюстом на стол.

Я, исключительно ради благой миссии, опускал туда взгляд и делал вид, что увлечённо разглядываю. Но благо суп не дал мне захмелеть слишком сильно и начать проявлять искренний интерес.

– Не представляю, – ответил я на её последнюю фразу. – От твоего зоркого глаза невозможно такое скрыть.

– Конечно! – гордо подняла она подбородок и налила ещё немного водки нам обоим, – если я что-то захочу узнать, я узнаю.

– Да? Что угодно? – спросил с вызовом я, поднимая чашку.

– Абсолютно! – как-то слишком томно выдохнула она.

– А знаешь, с кем в офисе спит Востров?

– Не знаю, – изогнулась она в позе: «я буду ломаться, уговаривайте меня». – Но могу узнать.

– Узнаешь? У меня к нему личные счёты за одну старую подставу.

Беляева довольно улыбнулась, будто на её спиннинг только что зацепился упитанный марлин.

– А что мне за это будет? – она облизнула кончики бамбуковых палочек, чуть высовывая кончик языка.

– А что ты хочешь? – начал торговаться я.

– Ты знаешь, – уклончиво ответила она. Захватила с тарелки последний ролл с угрём и слишком медленно и наигранно понесла его ко рту.

Раньше я всегда задавался вопросом, зачем в ресторанах закручивают роллы такого размера, что их ни в один рот не пропихнуть целиком? Сегодня я понял. Чтобы выявлять истинные таланты и показывать сверхъестественные способности.

Катя раскрыла свой пошлый, абсолютно порнографический рот, и вытащила немного язык на нижнюю губу, затем картинно уложила туда палочками ролл, и с лёгкостью спрятала его внутри целиком, смыкая губы. Я сглотнул.

Этот ролл – стопудово я.

Она смотрела на меня так, будто не рис с рыбой жуёт, а уже меня ест. Раздевает как банан, облизывает, засасывает и доедает до конца, а потом тканевой салфеткой утирает уголок губ, где остались мои биологические следы, а не соевый соус. Это будет сложнее, чем я подумал.

Особенно потому, что мой нижний мозг начал подавать двойственные сигналы, но это чисто физика. Тут и монах бы не устоял.

– Я понял, – вырвался у меня дурацкий ответ. Кровь от верхнего мозга слегка отлила и сократила доступный для использования словарь.

Я посмотрел в свою тарелку и недоеденные роллы «Филадельфия», надеюсь, сыр в них просроченный и рыба с душком. Я бы лучше сегодня отравился.

– И благодарность вперёд, – самодовольно откинулась на спинку стула Беляева, совершенно точно распознавшая сигналы моего организма. Небось зрачки расширились, сволочи предательские. – А то я и так ужина ждала целую неделю. Юбка, между прочим, была моя любимая! – напомнила она, и я едва не закатил глаза. Удержался в последний момент.

Не понимаю, зачем ей я нужен? Чего она так настойчиво липнет, вокруг столько народу? Она смотрела уже откровенно плотоядно.

Я поднял чашку и махнул залпом остатки водки.

Не очень нравится мне этот вариант.

Глава 6 – Вставь ключ и поверни обратно

– М-м-м, ты такой мягкий и тёплый.

– Только не падай раньше времени, – Катя повисла на моих плечах, обвив их руками, пока я пытался отодвинуть её от лифтовой панели и нажать на нужный этаж. – Как ты завтра на работу пойдёшь?

– У меня быстрый... метаболизм, – ответила она куда-то в шею, и впечаталась в неё губами. Я сразу же вспомнил о красной помаде на них, которая каким-то чудом уцелела после ужина, ни разу не будучи подправленной. Особо стойкая, наверное.

От неё пахло пряными сладковатыми духами с лёгкой ноткой рисовой водки. Я знал, конечно, на что я шёл, соглашаясь на этот ужин, но чем ближе был час расплаты, тем меньше мне его хотелось. Именно потому, что я нормальный свободный мужчина, а Беляева вполне аппетитная и красивая женщина. Её формы, её сладкий запах начинали будоражить моё тоже не вполне трезвое сознание красочными картинками о том, как я обвожу эти формы руками, сминая и жадно целую.

Мой физический голод делал эти картины ещё более яркими, и Катя, прижимающаяся к моей груди своим пышным бюстом, ритмично поднимающимся в вырезе платья, не помогала их развеять, а наоборот, затмевала доводы разума. А они, надо сказать, раздавались все тише и тише, заглушаемые её шумным дыханием возле моего уха.

Слишком долго я был один.

Когда мы выбрались из лифта и подошли к её двери, я выдохнул с мыслью о том, как хорошо, что она хотя бы может сама ходить, а не как в прошлый раз, когда мне пришлось буквально нести её последние метры. Однажды я пожалею о своём рыцарстве, особенно с такими дамами «совсем не сердца» как она.

Я встал перед дверью, как Илья Муромец перед сказочным камнем: «Направо пойдёшь – себя не обманешь. Ляжешь дома спать с чистой совестью и ноющими яйцами. Налево пойдёшь – себя потеряешь, но Кристину спасёшь. Останешься в Катиной постели «сытым» и усталым, получившим «иглу – смерть Кошечеву».

– Вставь ключ, – жарко выдохнула Катя мне в ухо, вызвав волну мурашек по спине. Сунула в руку связку так, что в пальцах оказался самый длинный и толстый ключ.

И я вставил под её томный вздох.

Зараза, я так далеко не уйду. Пульс уже участился и так, а от жара, исходящего от её тела, что я обнимаю свободной рукой за талию, у меня уже пальцы горят. Я втянул её в распахнутую дверь, перешагнув порог, но она сделала то, чего я так не хотел, споткнулась и повалилась, чтобы тут же быть пойманной на руки.

– Отнеси меня в кровать, я так хочу... спать, – промурлыкала она, одной рукой закрывая дверь и уютно устроившись на моих руках.

Я понёс её в спальню, почти отчётливо ощущая, как учащается и её пульс, а тонкие пальцы с длинными ногтями скользят по моей шее под ворот рубашки. Кровать казалась недосяжимо далёкой, но я донёс её и наклонился, чтобы усадить на край.

Посажу и ноги в руки. Я же не хочу. Совсем. Я...

Катя, как только села на постель, тут же начала заваливаться, крепко вцепившись в мой воротник. Толстый тупой марлин заглотив крючок, осталось только подсесть.

От её веса я потерял равновесие и не упал на неё полностью только потому, что подставил руки, впечатываясь в её грудь и плоский живот своим телом.

– Рома, – жарко выдохнула она, протягивая ко мне руки и обвивая ими шею. Тут же притянула к себе и впиалась в губы открытым влажным поцелуем.

Я же предвидел это. Какого хрена я... какого?

Боже, какой язык, какие пошлые и наглые губы, засасывающие мои. Мой мозг плавно отключался, забывая, почему я тут оказался. Катины пальцы скользнули по моему затылку и вцепились в волосы, крепче прижимая к себе и глубже запуская язык в мой рот, чтобы уж точно не мог вырваться. Белый шум в голове от бегущей по сосудам крови заглушил моё же тяжёлое дыхание, вырывающееся носом.

Беляева толкнулась и ловко перекатила нас по кровати, и теперь я оказался снизу, запертый в плену её бёдер и рук. Губы ни на мгновение не отрывались от моего не сопротивляющегося, даже для вида, рта, а руки поползли по груди, очерчивая мышцы.

Оторвавшись от губ с пошлым чмоком, она чуть приподнялась и взглянула на мой приоткрытый рот своими тёмными глазами, на меня смотрела сам бездна за то, что я заглянул в неё. Но остановиться уже не было сил. Я начинал падать с хрупкого края прямо в эту черноту, не чувствуя больше опоры под собой.

Я ощущал только её бёдра, сжимающие меня по бокам, руки сами поползли по гладкой коже, поднимаясь выше по телу там, где платье задралось. Под пальцы сами собой попались ягодицы, и я сжал их с тихим стоном, с головой выдавая себя и свой голод.

– Я знаю... – почти беззвучно прошептала она и начала жадно целовать мой подбородок, спускаясь по шее, пальцами ловко расстёгивая пуговицы на рубашке, – я вижу, как ты хочешь меня.

Спустя три пуговицы она просто рванула края в стороны и с треском выдрала одну или две. Я резко вдохнул, когда она широко лизнула мою грудь, отодвигая кулон на тонкой цепочке в сторону. Затем укусила за сосок, больно, но от этого странно приятно, в крови словно взорвалась топливная присадка в бензине, разжигающая меня ещё сильнее. Катя двинула бёдрами и втёрлась лобком обтянутым тонким кружевом в мой предательски стоящий под брюками член.

– Мой большой мальчик, – её рука сползла вниз и сжала выпирающий бугор эрекции, заставив меня снова застонать. Прощай контроль.

Всё, что я мог делать в знак протеста, это шумно дышать открыв рот, как рыба на берегу без воды, и не начинать с ней страстный диалог, в котором мы будем грязно обзывать друг друга, кусая и шлёпая мягкие части тел. Катя всё двигалась на мне, проходясь лобком по ширинке и разве что искры не высекая. Сколько же в ней было секса и похоти, в губах, в глазах, в чёртовой красной помаде, которую я уже воображал на своём члене, не в силах противостоять этому.

Я уже не вареный рисовый ролл на её языке, я сейчас превращусь в осьминога, который обовьёт её соблазнительное тело своими щупальцами и сожрёт. Когда она наклонилась, чтобы снова впитаться в мои губы и попытаться высосать из меня остатки сознания, я добрался до молнии на её спине, с третьей попытки ухватил за крошечный замочек и потянул вниз, чувствуя сразу, как платье ослабевает и расплзается в стороны.

Как только я добрался до конца молнии и начал гладить её спину, Катя простонала мне в губы и вновь поднялась, сжимая бёдра крепче, будто бы боялась, что я всё ещё могу убежать.

Разве что уползти...

Она скинула платье с плеч и рук, обнажая высокую, полную грудь, затянутую в абсолютно прозрачный бюстгальтер из чёрного кружева. Быстрым движением она завела руки за спину и расстегнула крючочки. Грудь всколыхнулась, выпадая на волю, и я чуть не подавился слюной, глядя на это великолепие с тёмно-розовыми торчащими сосками.

Предвосхищая моё желание, она откинула лифчик в сторону и наклонилась, накрывая моё лицо своими шикарными полушариями, я тут же поймал один из сосков во влажный плен моего рта, вытягивая из неё длинный стон. Она запустила пальцы в мои волосы и прижала лицом к своему телу, чтобы я мог жадно пожирать её прелести, пока кислород не кончится.

Нижний мозг уже кричал о том, чтобы его выпустили на волю из штанов и поселили на ПМЖ в тесную мокрую пещеру. Ещё немного и у меня перед глазами поплывут цветные пятна от перевозбуждения и недостатка кислорода.

Грёбаное вынужденное воздержание превращало меня в голодного зверя, которому уже без разницы, кого сожрать тёмной ночью. Можно и лица не видеть, только бы сжимать полушария груди и ягодиц, вгоняя член на всю длину под шумные стоны.

– Ты ещё жарче, чем я думала, Рома, – Катя встала на колени надо мной, раздирая рубашку в сторону. Потом потянула платье, болтавшееся в смятом виде на талии, и сняла его через голову, тут же отбросив в сторону.

– Меньше слов, – едва выговорил я, отнимающимся языком.

Протянул руку и вцепился пальцами в её лобок, тут же сжимая мягкость под уже совсем мокрой тканью. Она развратно раздвинула ноги шире и двинула бёдрами, проходясь по моей руке, громко застонала, запрокидывая голову.

– Я сожру тебя, Хромов. Ты от меня больше не убежишь, – жарко произнесла она, слезая с меня и вставая на колени между моих ног.

Начала вытягивать ремень из пряжки, я неосознанно подавался вверх под этим спасительным движением. Мне нужна свобода!

Плевать на всё. Кто она, что она, зачем она. Свобода и красные губы вокруг головки! Нежные розовые лепестки, истекающие соками, обхватывающие меня так тесно... так горячо...

Вот уже и молния вжикнула, и тонкие пальцы полезли под резинку боксеров, чтобы поздороваться лично с моим стонущим от желания членом. Филиал сознания переехал вниз окончательно, заставляя меня сжимать ягодицы от нетерпения, и поднимать бёдра вверх. Позорно постанывать от нетерпения.

Если я сейчас не натяну эту порнозвезду, я сдохну.

Вибрация прошла меня по ляжке, едва не заставив кончить. Потом ещё раз, я поднял голову, пытаюсь понять, что за ощущения, учитывая, что Катя как раз сейчас выпускает на волю дракона, чуть стянув с меня брюки.

– Он занят! – недовольно скривилась она, ловко выживая из кармана мой телефон и отбрасывая его на кровать рядом.

Я проследил за засветившимся экраном, увидел там надпись, но не разобрал ни одной буквы, потому что сознание отказывалось их читать. Телефон продолжал жужжать на вибросигнале, отдаваясь по матрасу в моё тело механической дрожью. А Катя взялась двумя руками за давно желаемую часть меня, а потом вдруг накрыла его ртом.

Вместо того чтобы исполнить своё желание и увидеть там красную помаду на шее змея, я жалко зажмурился и вжался затылком в мягкую кровать, чуть запрокидывая голову. В зелёных пятнах, поплывших перед глазами, буквы с экрана телефона, отпечатавшиеся на сетчатке, сложились в слово.

В имя – Кристина.

Я резко распахнул глаза, мгновенно трезвея. Почти безошибочно шлёпнул ладонью по кровати, тут же ловя телефон и принимая вызов ещё до того, как понял, что сделал это.

– Да? – на вдохе спросил я, потому что Катя не собиралась останавливаться.

– Ром, – коротко сказал самый милый голос на Земле, – помоги мне!

Я резко поднялся в сидячее положение, отчего Катю практически отбросило, ударив моим напряжённым прессом в лицо. Она свалилась на ковёр и ошеломлённо уставилась на меня, даже не закрыв рот.

– Что случилось? – взволнованно спросил я и мой пульс ускорился от страха ещё больше, чем он сейчас нёсся от возбуждения.

– Помоги мне, пожалуйста! – я слышал слёзы в её голосе.

Слёзы!

Метаболизм трижды переварил остатки водки и преобразовал их в адреналин.

– Где ты?

– Я в лесу, у меня спустило колесо, – всхлипнула она, – Матвей не отвечает, я не могу ему дозвониться. Я не могу... – она словно вытерла мокрый нос, – не могу сама прикрутить, так темно.

– Крис, я сейчас! – быстро ответил я, уже вставая с кровати.

Беляева выросла передо мной, с глазами пышущими гневом и искажённым лицом, как горгулья на краю башни. Я едва взглянул на неё.

– Я не знаю, что мне делать. У Матвея телефон недоступен, – продолжала она, – уже ночь. Я, наверное, зря...

– Кидай мне координаты, я сейчас приеду. Сядь в машину и не выходи, жди меня! Слышишь? Я сейчас!

Только я нажал красную кнопку на экране, как мне по лицу прилетела звонкая пощёчина такой силы, что голова дёрнулась как у тряпичного манекена.

– Крис?! – взвизгнула Катя, – сейчас приедешь? Ах ты, сука!

Она замахнулась ещё раз, но на этот раз я перехватил её запястье. Своё наказание я уже получил.

– Это вопрос жизни и смерти, ей больше некому помочь!

– А меня, значит, есть кому трахнуть?! – она дёрнулась в моей хватке. – Ты скотина неблагодарная! Только попробуй ко мне подойти! Только попроси меня ещё что-нибудь. Я не только тебя, я и Крис так разнесу, что весь офис будет знать, что вы трахаетесь! Не отмоетесь потом! И Матвей её тоже! Чтобы зарыл вас обоих!

– Катя! – я надвинулся на неё сначала грозно, прокручивая мысленно перспективу. – Прости! Я не хотел, чтобы всё закончилось вот так!

– А чего ты хотел?! – рычала она, пока я подбирался ближе, глядя прямо в глаза, как бешеной тигрице, – попользоваться мной? Раздразнить и обломать? Я тебе этого никогда не прощу!

– Прости! – я не выдумав ничего лучше накрыл её рот своим и поцеловал, прекращая поток проклятий. Будто много оставалось вариантов. Целовал ее, пока она не перестала лупить меня по плечу ладонью и не обмякла. – Не сегодня, – оторвался я, и пока она пыталась отдышаться, продолжил уговаривать, – я вернусь и всё отработаю. Все мои тебе долги, а ты выполнишь тогда своё обещание. Идёт? – я ласково поднял её подбородок, заглядывая своими голубыми «бездонными и безотказными» в её серые. Должно сработать. Пусть только сработает!

Я должен спасти Крис, потом хоть в рабство этой сдамся, зная, что моя девочка в безопасности и тепле дома, а не одна посреди ночи в лесу со сломанной машиной.

– Зараза! – вцепилась Катя в мои губы и засосала поцелуем, в конце вдруг больно укусила за нижнюю губу и оттолкнула меня. – Пошёл вон!

– Прости! – не затыкался я, понимая, что эти извинения мёртвому припарка поверх не разрытой могилы.

– Отработаешь в тройном размере! – ткнула она в воздух пальцем и сложила руки под неотисканной и недосохранной мной грудью.

– Согласен, – безропотно кивнул я, заправляя в штаны остатки своего достоинства.

Отвернулся и быстро выбрался в прихожую, споткнулся через туфли Кати с высоченным каблуком и выбрался за дверь, которая захлопнулась за мной с грохотом. Только в лифте я смог отдышаться, когда в телефоне пиликнуло сообщение с координатами.

– Я иду, Крис! – выдохнул и посмотрел на почти затраханного и растрёпанного себя в расстёгнуто рубашке с оторванными пуговицами и наливающимся засосом на шее.

Жалкое зрелище.

Как низко ты пал, Хромов.
Всё ради неё.

Глава 7 – Бить или не бить? Вот, в чём вопрос

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа сети». Я сбросила звонок и ещё минуту смотрела на экран, пока он не погас. Матвей никогда не выключал телефон, когда задерживался на работе, по крайней мере, я так думала, потому что никогда не проверяла. Не было повода. Сегодня он сказал, что у него подписание договоров с хабаровскими заказчиками и придётся добивать до конца, потому что у них завтра самолёт.

Может, у него сел телефон? Или он не хочет, чтобы его отвлекали? Я прикусила губу и вслушалась в темноту за окнами моей крошки KIA Picanto. Со стороны леса снова послышался какой-то хруст, будто кто-то большой и тяжёлый наступил на ветку.

Сердце снова забило, и я крепче сжала телефон. Вот трусиха, какой чёрт понёс меня по объездной дороге, ну, постояла бы в пробке лишние полчаса, не сломалась бы. А теперь пропорола колесо и торчу тут как приманка для медведей. Хотя какие медведи в черте города, пусть и на окраине лесопарка. Это моё слишком богатое воображение.

Снова хрустнула ветка. Я подпрыгнула и взгляделась в тёмные стволы и пустоту между ними. Двери я заблокировала, но если это будут какие-то залётные бандиты, кто им помешает выбить стекло?

Блин! Трусиха безрукая! Даже колесо не в состоянии поменять самостоятельно, сколько лет уже за рулём! От досады и злости на саму себя опять начали наворачиваться слёзы, я ведь даже Ромку умудрилась позвать на помощь. Выдернула его среди ночи, должно быть, из кровати и теперь он едет спасать меня в какие-то дебри, вместо того, чтобы спать спокойно.

Я выдохнула и постаралась успокоиться, но тут сзади меня осветили фары приближающейся машины. Я обернулась и увидела, что это такси, которое притормозило позади, и из него тут же вышел пассажир. Я радостно выскочила из своей машины, узнавая его по очертанию тела и походке.

– Ромка! – я повисла у него на шее до того, как сообразила, что я делаю. Это был чистой воды порыв, неподвластный моей воле.

Он обнял меня в ответ, и только сейчас я поняла, что прижимаюсь к его обнажённой груди в полурастёгнутой светло-голубой рубашке, в щеку вжался тёплый круглый кулончик на его шее.

– Кристина! Что случилось? Ты в порядке? – взволнованно начал расспрашивать он, а я отстранилась, зацепившись взглядом за украшение на цепочке. Он всё ещё носит мой кулон.

От этой мысли сердце забило быстрее, но я быстро пришла в себя.

– Прости! – выпалила я, – я такая дура! Я тебя выдернула среди ночи! Даже не спросила, не спишь ли ты!

– Я не спал, ещё рано, всего-то полпервого, – отмахнулся он.

В темноте почти не было видно, выражение его лица, на этой дороге фонарные столбы стояли очень на большом расстоянии друг от друга, а я умудрилась притормозить под тем, что как раз перегорел, и потому пряталась в пятне темноты у кромки леса.

– Я только потом подумала, что зря я...

– Да брось, – прервал о мои неуклюжие оправдания, – раз Матвея нет, что тебе ещё оставалось? Техничку что ли вызывать?

Я удивлённо хлопала глазами, глядя на Рому, который уже присел возле моей, стоящей в раскоряку на домкрате машинки и распоротого колеса, лежащего рядом. Как я не подумала о том, чтобы вызвать техпомощь по телефону. Они же круглосуточные, с эвакуатором и любыми инструментами. Вот я дура истеричная! Перебрала всех мужиков, а самое логичное сделать не догадалась!

Если бы здесь был свет, то Рома увидел бы мой помидорно-красный цвет лица.

– Ну вот, теперь мне совсем неловко, – пробормотала я.

– Ты всё правильно сделала, – поспешил он успокоить меня, – кто знает, что за скучающие мужланы приехали бы к тебе среди ночи, – он удивлённо присвистнул, переворачивая колесо и засовывая пальцы в огромную дыру в распоротой шине. – Ничего себе. Кажется, ты на что-то огромное и острое наехать умудрилась, не знаю, пригодно ли оно к ремонту или придётся новое покупать.

– Там была железка острая, – чуть присела я рядом, поправляя узкую юбку, в ней как раз мне было жутко неудобно снимать колесо, а надеть запаску так вообще не смогла. – Я её в кусты вон туда бросила. Ничего, у Матвея скидка в сервисе, как постоянному клиенту, мне там все сделают.

Рома посмотрела на меня в задумчивости.

– И часто он так недоступен по ночам?

– Нет. Не знаю, я ему раньше не звонила, когда он задерживается на работе. Не было нужды. А сегодня решила к сестре съездить, раз уж его дома не будет, а по дороге домой вот... – я указала на колесо и развела руками.

Но он думал явно о чём-то своём.

– То есть у него это обычное дело? Приезжать поздно? – допытывался Рома.

– В последние месяцы, да, – вздохнула я, – это всё расширение компании, много новых контрактов, филиалы, ты же знаешь, на его должности он отвечает слишком за многое. Теперь ещё и командировок станет больше.

– Ну да, – кивнул Рома, подумал и откатил распоротое колесо подальше, – у тебя есть фонарик? Посвети мне.

– К чему ты клонишь, Ром? – я начала догадываться о том, что он мог посчитать причиной задержек Матвея на работе. Опять он свою песню про измену заводит?

– Да ни к чему. Просто он неудачник, недоступен в тот момент, когда больше всего тебе нужен! – чуть более эмоционально ответил он, но я знала, что под этими нейтральными словами скрывается намного большее.

Не знаю, было ли честным, звонить именно ему, особенно после того, как я обошлась с нашими отношениями, пройдясь ни ним гусеничным трактором и безжалостно расколов замечательную дружбу. Первой поставила стену и первая же через неё прыгнула.

Не зная, что ему говорить, я спряталась от ответа в салоне своей машины в поисках фонарика. Под не очень ярким салонным светом нашла его в бардачке за салфетками. Выбралась наружу и тут же включила его, направив широкий луч прямо на Рому. Белый свет тут же проявил малиновое пятно на его шее, прямо над воротником рубашки. Засос. Свежий.

– Я понимаю, что я хорош, но лучше на колесо светить, – поправил он меня, когда я поняла, что слишком надолго залипла на нём.

– Да, прости, – исправилась я и закусила губу, подсвечивая его работу.

Пока он навешивал запаску и закручивал болты, а я заморожено смотрела за быстротой его ловких пальцев, в голове запульсировала неприятная мысль. Я не просто вытащила его из кровати.

Он был с женщиной. Эта странная тонкая сладость, которая подмешалась к запаху его дезодоранта, она мне не показалась у его шеи, она там действительно была. След на шее, расстёгнутая рубашка.

Я испортила ему свидание.

Если до этого мне было неловко, то теперь стало просто испепеляюще стыдно. Личную жизнь Рома не любил афишировать, но почти вся женская половина офиса вздыхала о нём именно потому, что, по слухам, у него никого не было уже очень давно. Он равнодушно смотрел на закапанные слюной декольте воздыхательниц и сохранял таинственный ореол загадоч-

ного, но привлекательного одиночки. И ровно в тот момент, когда у него наконец-то с кем то получилось пойти на свидание, я выдернула его из чьих-то страстных объятий.

– Ну вот! Почти готово! – Рома распрямился, завернув последний болт. Пнул для надёжности шину и переключил домкрат, тот сразу зажужжал, медленно опуская заднее колесо на асфальт. – Садись в машину, прохладно стало, замёрзнешь.

Я пошла к водительской двери.

– Позволь мне побыть джентльменом, – остановил он меня, когда я взялась за ручку. Я оглянулась с неммым вопросом, и он продолжил, – сесть за руль и отвезти тебя домой.

Я немного задумалась, но всё же согласилась.

– Хорошо, за то, что ты спас меня от медведей, я разрешу тебе порулить моей деткой.

Рома забавно усмехнулся, а я обошла вокруг капота и уселась на пассажирское сидение, потёрла ладошки, чувствуя, что он был прав и я действительно начала замерзать. Пусть было и лето, но к часу ночи в лесу становилось прохладно.

После того как он закинул рваное колесо и домкрат в багажник, Рома уселся на водительское сидение и нежно провёл руками по рулю.

– Ну, здравствуй, детка! – страстно поздоровался он с моей машиной, – обещаю, буду нежен!

Он завёл двигатель и так плавно тронулся, что я сразу поверила ему про нежность, особенно глядя на пальцы на оплётке руля. Всегда завораживали его руки, у Матвея совсем не такие, широкие и массивные, у Ромки же узкие ладони и длинные пальцы как у пианиста. Интересно программистов можно считать пианистами? Ведь они тоже пишут свои симфонии кодов на клавиатуре.

Свет в салоне погас, но перед моими глазами будто отпечаталась его странная полуулыбка уголком губ, расстёгнутая рубашка, на которой, кажется, не хватало пуговицы. Что он здесь делает? Что я делаю рядом с ним?

– Так от кого ты говоришь, я тебя спас? От медведей? – решил он продолжить разговор уже в свете одной только приборной панели.

– Да, – выдохнула я, смущаясь, – там в лесу кто-то так шумел, будто медведь гризли дерево ломал. Я испугалась, не смеяся! – Я шутливо шлёпнула его по плечу, когда он глупо хихикнул, – а если там был бомж какой-то, лучше что ли?

– Или бешеный зайчик! Голодная белочка пришла поживиться свежей кровушкой! – страшным голосом из анонса фильма ужасов продолжал Рома.

– Ха-ха! Не позову тебя больше! Вот сожрут меня зайчики с белочками, сам потом плакать будешь!

– Буду, – вдруг уже без смеха ответил он, и мне резко захотелось сменить тему.

– Скучаешь? – вдруг спросила я.

– М? Ты про вождение? – он сразу прочитал мои мысли. Кто бы не заметил, какое он получает удовольствие за рулём.

– Да, – я вздохнула. – Прости за твою машину, мне жаль, что она утонула.

– Ерунда, – отмахнулся Рома, поворачивая на оживлённую улицу и в свете фонарей я, наконец, увидела, блеск в его глазах. Он любил водить. – Это же не ты её утопила! Не вини себя в этом! Слышишь? – он коротко глянул на меня, чтобы убедиться, что я вопреки его просьбе, именно это и делаю. – Я всё равно давно хотел новую купить. Вот как раз с премии брать собрался.

– Это хорошо, – я уставилась перед собой на дорогу в свете фар. – Зря не захотел от меня денег в компенсацию, у меня есть.

– Ещё раз такое скажешь, укушу! – бросил он на меня хмурый и серьёзный взгляд.

– Укусишь? – изумилась я.

– У меня руки заняты, – он на мгновение разжал пальцы на руле, – я бы даже из чувства мести не стал гробить твою крошку. Я её полюбил, как родную, как только мои булки коснулись сидения, и она такая отзывчивая! М-м! С подогревом небось? – слегка поёрзал задницей.

– Пошляк, – рассмеялась я на его привычные шуточки. Но тут же вспомнила, откуда я его выдернула.

Только собралась извиниться ещё раз за испорченный романтический вечер, как он вдруг сказал.

– Приедем к тебе домой, накостыляю твоему Матвею за то, что не отозвался! Для тебя всегда должен быть доступен! В любое время дня и ночи! Чёрт его знает, чем он там занимается! – он будто бы злился.

Но я вот точно вспыхнула. Опять двадцать пять он про измену!

– А как там Катя? Хорошо прошёл ужин? – чуть язвительно спросила я, думая о засосе.

– Катя в порядке, только обломалась слегка, – ответил он таким же тоном, будто читая все мои мысли.

– Она горячая штучка, – я сделал вид, что мне пофиг, – и помада у неё красивая. Особенно хорошо смотрится на твоей рубашке.

Я увидела, как он часто задышал, пусть получит в ответ за то, что лезет в мою личную жизнь со своими пустыми обвинениями!

– Не переживай за нас с Катей, мы наверстаем, – самоуверенно ответил он, слишком резко повернув на следующем светофоре.

– О, я уверена, что так и будет. Пусть только не рассказывает об этом в подробностях в каждом кабинете, куда заходит! Не хочу слушать её восторженные вздохи!

– Это почему же? – сжал губы Рома, – боишься, что завидовать начнёшь?

– Вот ещё! Скорей стошнит! Как представлю её в полном боевом раскрасе на тебе, так...

Рома резко затормозил, что я даже от неожиданности мотнулась вперёд и упёрлась ладонями в переднюю панель.

– Так что? – он повернулся ко мне с огнём в глазах, который было отлично видно под уличными фонарями.

Я сделала несколько вдохов под этим горящим взглядом и поняла, что идём мы совсем не туда, куда следует в этом разговоре. Конец фразы ему знать не положено.

– Ничего! – я упрямо отвернулась, по-детсадовски сливая поединок.

Только теперь я увидела, что мы уже стоим перед стоянкой у нашего с Матвеем дома, осталось найти свободное место и припарковаться. Да, господи, что это со мной? Зачем и почему он меня так выводит?

Снаружи хлопнула дверь другой машины, и я тут же обратила внимание на этот знакомый звук. Через лобовое стекло я увидела Матвея, идущего от своей машины к нам, сжимающего кулаки, и глядящего на Рому, как на кровного врага перед расправой.

Блин!

– Ну что? – спокойно спросил Рома, – бить или не бить? Вот в чём вопрос.

Глава 8 – Раз, два, три – признайся, но соври!

О чём бы ни размышлял Рома, но Матвей явно уже решил для себя, что он будет делать, когда машина остановится. Хромов, правда, неожиданно и для него, и для меня вдруг резко нажал на газ и свернул прямо перед Матвеем и с удивительной лёгкостью воткнул мою машинку в свободное место на стоянке слева от нас.

– Спасибо, Ром! Что помог мне и довёз до дома! – засуетилась я, забирая сумку с заднего сидения с одним только желанием, не разозлить Матвея окончательно долгой вознёй внутри.

– Пойдём, укротим твоего строптивого, – Рома заглушил двигатель и вынул ключ из зажигания, протянул его мне, затем спокойно вышел из машины.

Я последовала за ним и, едва протиснулась в узкое пространство между KIA и соседней машиной, как столкнулась почти нос к носу со своим будущим мужем.

– Кристина, ты сказала, что поедешь навестить сестру! – сразу начал он с претензии, – а в итоге что? Стоило мне задержаться, как ты на свидание побежала? Да ещё и с ним?

– Матвей, я... – честно говоря, у меня почти дар речи пропал от неожиданности, я могла многое вообразить, на что он разозлится. Что я так поздно вернулась, что он волновался, что Рома за рулём моей машины без доверенности и нас могли остановить на дороге и оштрафовать за это. Что угодно! Но точно не измену с Ромой!

– Так вот, к чему были твои намёки на измену! Твои дурацкие вопросы! Ты, значит, сама уже всю! – кричал Матвей, пока я разеваю рот как рыба. Рома подошёл к нему, примиряюще поднимая руки и, кажется, собираясь что-то объяснить. Он же, обернувшись и разглядев, в каком тот стоит перед ним виде, рассвирепел ещё больше. – Я смотрю, хорошо провёл время с моей женой!

Матвей резко и неожиданно для всех оттолкнул Рому от себя двумя руками, что тот едва не потерял равновесие, сделав шаг назад.

– Матвей, ты что?! – я подскочила ближе, хватая его за плечо.

– Я смотрю, отлюбила его по полной! Вон рожа довольная! Хоть бы засосы не ставила, не палилась! – переключился он на меня, надвигаясь высокой, почти двухметровой горой, светлые глаза пылали гневом, – трахалась с ним, да?

– Нет, конечно! – в абсолютном шоке возмутилась я, но испуганно попятилась от него.

Матвей внезапно резко развернулся, и я не сразу поняла, что это Ромка дёрнул его за плечо, поворачивая к себе лицом. Осознала это только в тот момент, когда Хромов с коротким замахом ударил Вострова в челюсть. Теперь пришла его очередь отступать, шокировано держась за лицо.

– Ты скотина! – закричал на него Рома, – твоя жена тебе никогда не изменяла! Кристина – самая честная женщина из всех, что я знаю! – Никогда не видела Рому в таком гневе. Он ткнул в сторону Матвея пальцем, хмурясь, – это ты где шляешься, когда твоя жена одна торчит на дороге со спущенным колесом и не может тебе дозвониться?! Сколько она там простояла на холоде и в страхе, пока ты кувыркался с какой-то очередной бабой, выключив телефон?!

Медленно разгибавшийся Матвей вдруг сделал резкий выпад и его кулак врезался Роме в солнечное сплетение, заставив задохнуться и согнуться пополам.

– Матвей! – я повисла у него на руке, когда он почти поднял её для второго удара, – что на тебя нашло? Как ты такое мог подумать?

– Какое колесо, вы приехали на машине! – оттолкнул меня он.

– Это потому что Рома поменял его на запаску, сам посмотри в багажнике! Там распоротое лежит! Я полтора часа на лесной дороге стояла, сама пыталась его прикрутить, пока Рому не вызвала! – я ударила его от злости ладошкой по плечу, – потому что ты телефон выключил! Я тебе столько звонила! Мне было страшно!

Я увидела, как тяжело дышит Матвей, так и не разжимая зубы, но побоялась отвести от него взгляд, даже слыша на периферии, как покашливает Рома рядом.

– Я поехала по объездной в лесопарке, потому что не хотела стоять в пробке на проспекте, – продолжила оправдываться я, – там наехала задним колесом на кусок железки и его разорвало в клочья! Кому мне ещё оставалось звонить, если ты недоступен?!

– Не знаю, отцу своему, например?

– Мой папа в десять спать ложится, у него режим! Время уже час ночи!

– Утомись уже, самец бабуина! – Рома влез между нами, загораживая меня плечом от злющего мужа, который никак не хотел верить, что я ему не изменяла.

– Отвали! – Матвей оттолкнул его, – без тебя разберёмся!

– Я вижу, как ты разбираешься! – Рома потянул его на себя за пиджак, не давая даже посмотреть в мою сторону. Он же, как красная тряпка перед глазами быка!

– Убери от меня свои руки, Хромов! Тебя и так слишком много в последнее время, куда ни глянь! Везде, где есть Кристина, и твоя рожа мелькает!

– Ребята, прекратите оба! – я пыталась безрезультатно втиснуть своё щедедушное низко-рослое тельце между двумя парнями, явно собирающимися продолжить драку.

Рома ловко отодвинул меня рукой в сторону, а себя и Матвея потянул в другую.

– Ты не имеешь никакого права её подозревать в чём-то подобном, Востров! Мы с Кристиной много и упорно работаем над сложными проектами, пока ты там на верхнем этаже просиживаешь штаны в переговорных комнатах и жрёшь пончики под кофе на бесконечных совещаниях! Спускайся иногда к ней со своего «Олимпа», чтобы хоть знать, чем и с кем она занимается!

– Ни тебе меня учить! – Матвей ткнул пальцем Рому в грудь. – И не тебе решать, как мне заботиться о МОЕЙ жене! Ты путаешь мою благодарность за спасение её жизни со вседозволенностью! Отвали от неё, найди уже кому присунуть, вместо того, чтобы перед глазами мельтешить!

– Найду, ты не волнуйся за меня! – прорычал Рома, отпихивая его руку. – И советов твоих спрашивать точно не буду, особенно, как гандоны по мусоркам прятать!

– Ах ты... – Матвей вдруг со злобным рыком дёрнулся в его сторону и нанёс неожиданный удар в скулу, отчего Ромку отбросило к припаркованной за ним машине. С глухим стуком он ударился о багажник внедорожника и сполз на асфальт, держась за затылок.

– Рома! – я бросилась в его сторону, но Матвей перехватил меня за шаг до него, взял за локоть и потащил в сторону подъезда.

– Идём домой!

– Ты что наделал? – сопротивлялась я, понимая, что Матвей перестал себя контролировать окончательно, и его удар тренированного боксёра мог серьёзно навредить Роме. – Ты с ума сошёл?

– Не развалится он! – рывкнул Матвей, а я ловко вывернула локоть из его пальцев и остановилась.

Я обернулась назад, и Рома всё ещё сидел на земле, пугая меня ещё больше.

– Рома! – позвала я его, уже собираясь бежать на помощь.

– Знаешь что? – зарычал гневно Матвей, хватая меня за руку и разворачивая к себе, – решай уже, Рома или я тебе нужен! Сколько я должен это терпеть? Что я должен о вас думать, когда ты за ним вот так бегаешь? Звонишь ему среди ночи! Ты вообще помнишь ещё, за кого замуж собралась? Может, за него? – он с вызовом указал пальцем в сторону Хромова.

Я сжала губы, пытаясь сдержать гнев и обиду, накатывающие на меня тугим комом в горле и жжением в глазах. Я боялась, что однажды к этому придёт, но совсем не так. Как можно заставлять меня выбрать между тем, чтобы пойти с Матвеем домой или помочь Роме, когда ему больно? После всего, что он для меня сделал, чем ради меня пожертвовал?

Матвей никогда не сможет этого понять! Но и я не смогу вот так на ходу решить этот невыносимо сложный ребус. Не так много вариантов у меня было, что не разрушили бы сейчас нашу жизнь.

– За тебя, – тихо произнесла я.

– Не слышу!

– За тебя, Матвей!

– Значит, идём домой спать! – он схватил мою ладошку и упрямо потянул за собой, не давая возможности даже толком обернуться и убедиться, что Ромка в порядке.

Он открыл дверь подъезда и впустил меня вперёд, тут же мягко подталкивая под спину к лифтам в широком холле. Когда створки разъехались, так же впереди себя пропустил в большой лифт и нажал на кнопку.

– Ты разве не понимаешь? – довольно резко спросил он у меня, выхаживая взад и вперёд по лифту, пока тот поднимался.

– Что?

– То как он привёз тебя домой в час ночи? В каком виде? Ты понимаешь, что я подумал? Что я почувствовал сейчас?

– Ревность? – не удержалась я.

– Страх! Гнев! Что кто-то может забрать тебя у меня!

– Не забрал! А спас в очередной раз! – злилась я, раз уж у нас случилась минутка откровений о чувствах, – а ты его избил вместо благодарности!

– Я не избил, а всего пару раз ударил! Он мужик, а не хрустальная ваза, Кристина! И получил он за свой длинный язык, а не за то, что помог тебе с колесом. Только в следующий раз... – начал он предостерегающую фразу.

Я не хотела дослушивать, чем он решит угрожать мне. Или тем более Роме.

– А будет следующий раз? Когда ты выключишь телефон и пропадёшь? Когда я не буду знать, ни где ты, ни с кем?

– Кристина, – он сразу же всё понял, посмотрел на меня испытующе, – ты опять начинаешь?

Лифт прибыл на этаж, и двери раскрылись, я спешно направилась по коридору к нашей двери и тут же отперла её, слыша, как Матвей нагоняет меня.

Не успела я снять туфли в прихожей, как он налетел на меня сзади, захлопнув дверь и лоя в кольцо объятий.

– Неужели ты не чувствуешь разницы? – он пригнулся к моей голове и вжался щекой в волосы.

– Ты хочешь, чтобы я доверяла тебе, злишься, если я задаю вопросы. Но сам мне верить не хочешь! Ты приревновал и даже разбираться не пожелал, что случилось! – я вытащила руки из-под его, и развернулась к нему лицом, выпутываясь из объятий. – Ты даже не извинился перед ним за свою ошибку! Бросил там!

– И не буду! – заупрямился Матвей, не лучше упёртого барана. – Он своё заслужил!

– А передо мной? За такие подозрения, что ты мне в лицо предъявил! Что я предала тебя, что я изменила тебе! – меня начинало потряхивать от возмущения. – Как ты вообще мог такое подумать? Когда я давала хоть малейший повод для этого?

– Каждый раз, когда ты произносишь имя Рома, ты даёшь мне повод!

– Мне теперь вообще нельзя о мужчинах коллегах разговаривать? Да? Кидаться на каждого будешь?

Я покачала головой и пошла в спальню, чтобы переодеться. Одна мысль стучалась у меня в сознании. Дверь моей половины гардероба у окна, я смогу украдкой глянуть вниз, поднялся ли Рома, всё ли с ним хорошо.

– Не на каждого, – уже более спокойным тоном продолжил наш разговор, Матвей, входящий в нашу спальню. Подошёл ко мне, опустил взгляд к блузке, которую я начала расстёгивать. – Только на тех, кто пялится на тебя так, как он.

– Рома не пялится! – возмутилась я.

– Мой маленький наивный котёнок, думаешь, я не вижу мужских плотоядных взглядов? Не могу отличить, кто на тебя пялится, а кто нет?

– Ему это не нужно, Матвей! – я стянула с плеч блузку и глянула на её запачканные дорожной пылью рукава, бросила на пол. – Ты знаешь, что он девушку из-за меня оставил? У него свидание было, когда я позвонила!

– Значит, он вдвойне дурак, – Матвей подошёл ко мне ближе и взял своими большими горячими руками за талию, – испортил двум девушкам вечер.

– Испортил? – я распахнула глаза, глядя на его в упор. На подбородке наливался лиловый свежий синяк, оставленный Ромой в момент, когда он решил защитить мою честность и верность.

– Я устал говорить о Хромове, можем мы прекратить? – он скользнул руками по спине к застёжке бюстгалтера с явным намерением срочно меня отвлечь, его взгляд жадно блуждал по груди.

– Ты сам это начал!

– Я начал не это, – возразил он, – я хотел тебе объяснить, что мной движет. Что я люблю тебя и не могу выносить, когда рядом с тобой другие мужчины. Наглые, навязчивые, вездесущие.

– И всё в одном лице?

– Во всех лицах! – Матвей обнял меня, и начал целовать в шею. – Я же тебя так люблю, котёнок мой. Как же ты не можешь этого понять? Я только поэтому так схожу с ума, я не хочу ни с кем делиться!

– И не надо! – я оторвала его лицо от себя, взяв в ладошки, и он чуть выпрямился, глядя сверху вниз. – Я твоя! Я выхожу за тебя замуж! Ни за кого другого! Но тебе придётся мне доверять, а не бить всех, кто тебе не нравится рядом со мной. Иначе я не смогу общаться с людьми и строить карьеру!

– К чёрту эту карьеру! Давай лучше сделаем малыша, – он подхватил меня под ягодицы и поднял в воздух. Я взвизгнула и вцепилась в его плечи, когда он закружил меня по комнате. – Я хочу, чтобы ты была матерью моего ребёнка, заботилась о нём и нашем гнездышке!

– Матвей, – вяло возмутилась я. Я, вообще-то, тоже этого хотела, но не забывая на карьеру и превращаясь в вечную домохозяйку, мне нравится моя работа!

– Ну что ты там забыла? – продолжал он уговаривать меня, целуя в грудь, которая теперь так удобно располагалась у его лица. – Будь только со мной. Только для меня!

Он продолжал целовать меня всё настойчивей и жарче, приоткрывая губы и не давая мне шанса избежать ласки.

– Это так не работает, – я подняла его лицо к себе и наклонилась, чтобы поцеловать. – Особенно так, как это делаешь ты!

– Ну, прости меня, котёнок! – Матвей поставил меня на пол и начал целовать лицо, – я сорвался, я не хотел обижать или пугать тебя! Я тебя так люблю!

Его руки поползли по моим плечам и, схватившись за бретельки, потянули их вниз, почти оголяя мою грудь.

– Матвей, я так устала, – я перехватила его пальцы, – я столько натерпелась в этом лесу, таскала это тяжеленное колесо, уже скоро два часа ночи. Я просто хочу в душ и спать.

– Прости, котён, я дурак! – не унимался он, теперь взяв в ладони мои руки и целуя их тыльную сторону. – Иди, конечно, и сразу ляжем спать. Я даже отнесу тебя!

Он внезапно подхватил меня под колени и полураздетую понёс в ванную комнату, усадил там на стиральную машину и сам включил воду в душе, проверив, чтобы она не была горячей и у меня не закружилась голова от пара.

– Всё, я ухожу, и не буду мешать. Жду тебя в кровати, – он нежно поцеловал меня в губы и вышел из ванной. – Будем спать, я обещаю!

Я устало опустила плечи и потёрла лицо. Боже мой, ну и вечер сегодня. Как со всем этим одновременно справляться? Раздевшись, я приняла быстрый душ, чтобы смыть с себя все результаты тяжёлой физической работы. В один момент под струями воды в голову пришла навязчивая мысль о том, что так и не удалось выглянуть в окно. А потом ещё мысли о Роме, и снова о Матвее, о нашей свадьбе, о ребёнке. Так за мыслями пролетело не меньше получаса.

Когда я вернулась в спальню, Матвей уже сладко сопел, вжав лицо в подушку. Не дождался. Я мягко улыбнулась, всё равно люблю этого засранца. Пусть он вспыльчивый и ревнивый, но всё равно мой!

Я прошла в полотенце к окну и выглянула, на улице была глубокая ночь, темно и пусто внизу. Разве могло быть иначе?

Заботливо подняв брошенный на кресло пиджак Матвея, я понесла его к гардеробу и достала вешалку. Расправила на плечиках и уже собралась вешать в шкаф, как взгляд притянул длинный ярко-рыжий волос, тянущийся из кармана. Я сняла его и нахмурилась.

Кристина, ты дура? Я отбросила волос и повесила пиджак в шкаф.

Мало ли откуда этот волос, что за мыльную оперу ты тут разводишь? Матвей хочет на тебе жениться и ребёнка, а ты помешалась на измене? Чем ты лучше, чем он?

Уже в постели, накрывшись одеялом, я обняла Матвея со спины и вжалась щекой в его тёплое плечо, потёрлась носом о мягкую кожу любимого. Едва заметный, но незнакомый сладковатый запах коснулся моего обоняния, и я открыла глаза в темноте.

В мозгу внезапно всплыла фраза, брошенная Ромой: «И советов твоих спрашивать точно не буду, особенно, как гандоны по мусоркам прятать!».

Глава 9 – В темноте лучше видно

Всю дорогу от дома до офиса я думала об этом, едва не въехала в зад другой машины на светофоре. Матвей сегодня ушёл раньше меня, так и не дав возможности поговорить. Хотя... я всё равно так и не смогла придумать, как же его спросить обо всём, что меня терзало. Ромины слова, задержки на работе, волос, запах, напоминающий женские духи – если всё это собрать воедино, то и вопрос напрашивался только один. Но как спросить?

Прямо? Матвей, скажи честно, ты мне всё-таки изменяешь? А то в офисе слухи ходят.

Какие только слухи? Я-то их не слышала, мои подруги в отделе ничего такого не обсуждали, в других тоже при мне не говорили, на праздниках и перерывах на кофе – молчок. Вокруг меня полнейшая тишина. А всё что, только и делали, что шептались за моей спиной и обсуждали, с кем спит мой муж, а я и не в курсе? Откуда просачивалась эта информация, как течет яд из сломанного стебля ядовитого растения?

Изначально, буду уж честна с собой, я действительно считала, что это глупая шутка Ромы и попытка рассорить меня с Матвеем, потому что он его невлюбил с момента знакомства. Но ведь мы с ним выяснили между собой отношения ещё в Питере, расставив точки над «i» в том, что я не свободна и больше, чем дружбу предложить ничего не смогу. И он согласился! А надежду не потерял?

Именно это давало мне повод думать, что «измена» – чисто его игра. А он выходит, решил рассказать мне правду?

Я долго смотрела в остывающий кофе в кружке на столе, работа не шла совершенно, даже на весёлую болтовню коллег я не могла отвечать привычными шутками. Внутри меня что-то ломалось в режиме замедленной съёмки. Мои понятия о любви, о верности, о доверии. Неужели это вот так и происходит? Просыпаешься одним прекрасным утром, а рядом с тобой спит кто-то совершенно не такой, каким ты его помнишь вчера.

Я собрала папки со стола и, сложив их в плотную стопку, отправилась к человеку, перед которым давно должна была извиниться, но эгоистично сконцентрировалась на своих проблемах и обвинениях Матвея.

– Саш, а где Рома? – я застыла в растерянности перед пустым рабочим столом, на котором и компьютер отчего-то был выключен. Даже «вечная» кружка стояла без кофе, забытая и пустая.

Я обернулась к молодому протеже Хромова, который сидел за соседним столом и что-то увлеченно печатал, согнувшись и нахмутив брови.

– Саш! – я ещё раз позвала стажёра.

– А? Что? – он вынул наушники-затычки из ушей и вопросительно уставился на меня.

– Рома где? Время почти десять, он же никогда не опаздывает.

– Не знаю, нет его сегодня. Но я не в курсе, спроси у Петровича, уж он точно должен знать, если Хром отпросился.

– Ладно, спрошу, – я в задумчивости сжала свои папки с отчётами и вышла из просторного кабинета отдела разработки и отправилась к их начальнику, который по должности имел отдельный.

Может, Ромка опять у него с утра торчит? И такое бывало не раз.

Я осторожно постучала в открытую дверь, чисто из вежливости, чтобы не врваться.

– Денис Петрович? Можно к вам?

– Конечно, Крис! – он назвал меня милым сокращением, которое за Ромой подхватил весь его отдел, включая начальника. – Что спрашивать, заходи без стука, ты у нас свой человек. Что-то хотела?

Худой мужчина чуть за пятьдесят с седыми висками и задумчивым взглядом поглядел на меня из-за трёх своих мониторов на огромном столе. Я сделала несколько шагов вперёд.

– Да, спросить, где ваш любимый зам пропадает с утра? Он мне срочно нужен.

А точнее, я половину ночи волновалась за него, а когда всё же решилась позвонить, его телефон оказался выключен. Поэтому я стала волноваться ещё больше, вдруг что-то случилось. Теперь же оказалось, что он не пришёл на работу, что поднимает уровень тревоги сразу на десять пунктов.

– Роман? А его не будет сегодня, может, я смогу помочь? Ты насчёт Тульского проекта? Его опять пересчитать надо?

– Да нет, я не об этом, с Тульским всё хорошо, просто... – я замялась. Петрович был очень проницательным человеком и врать ему было крайне сложно. Рома сразу меня отучил это делать, потому что это вышло бы сильно дороже, чем сразу во всём сознаться и получить своё наказание. – Я за него волнуюсь! – призналась я и замерла в ожидании.

Уголок губ начальника пополз вверх в чуть хитрой улыбке. Ой, ну вот опять. Всегда он на меня так смотрит, когда я нахожусь в радиусе пяти метров от Ромы.

– А что так? – решил уточнить он.

– Он мне вчера помог очень сильно ночью, но я не убедилась, что он добрался домой. А сегодня на работу не пришёл и я переживаю, мало ли что случилось, – попыталась сказать я часть правды под его рентгеновским взглядом. Не буду же я ему говорить, что он подрался с моим мужем?

– Дома он, не придёт сегодня. Позвонил в четыре и отпросился.

– В четыре? – переспросила я.

– Он думал, что уже девять. Бывает, цифру перепутал, – Петрович пожал плечами.

Я засомневалась, Рома цифры не путает в принципе и со зрением у него всё в порядке, с чего он принял четвёрку за девятку? Напилился что ли?

– Ладно, спасибо, – вздохнула я, раздумывая, что же теперь делать, повернулась уже, чтобы выйти из кабинета. Но он окликнул меня.

– Так ты спроси его, что ты стесняешься?

– У него телефон выключен, – только и оставалось, что пожаловаться мне.

– Сходи сама, ты же знаешь, что он тут недалеко живёт.

– Я только улицу знаю, – ответила я, добавляя мысленно: и то только потому, что Беляева об этом все уши прожужжала после того, как он её проводил до дома.

Денис Петрович усмехнулся и, взяв жёлтый стикер со стола, написал что-то на нём карандашом. Протянул мне записку.

– Разве это проблема? Рома тебе доверяет, думаю, он не был бы против.

– Спасибо! – я с радостью взяла бумажку с адресом, пусть и не разделяла его мнения, что мне стоит доверять.

Я не только за последние дни дала Роме отворот-поворот в дружбе, но и ушла домой вчера с Матвеем, не убедившись, что с ним всё в порядке после драки. Последнее особенно сильно начало терзать меня, напоминая, что совесть всё же где-то ещё осталась в моём организме, а друзья так не поступают. Может быть, я ещё не совсем безнадёжна, несмотря на ужасные ошибки?

Теперь осталось совсем немного, выбраться с работы, чтобы к нему сходить. Финансовому отделу не так повезло с начальником, как программистам и, поэтому мне разрешили уйти только с обеда.

Ещё несколько раз я попыталась дозвониться до Ромы, но в трубке меня ждал всё тот же сигнал, что и раньше. Если он дома, почему выключил телефон? Мысли о нём почти вытеснили из моей головы самую главную проблему, что теперь её занимала, и я в какой-то мере этому была даже рада, ибо думать о том, изменил ли мне на самом деле Матвей или нет, уже не

было никаких сил. Я и так спала ночью от силы пару часов и если бы не макияж, напоминала бы зомби. Но я понимала, что отодвигаю решение этого вопроса исключительно из страха посмотреть Матвею в глаза и увидеть там, что все подозрения – правда.

Сам Матвей был с утра подозрительно добрый и ласковый, всё время пытался меня целовать и всячески ухаживать, будто тоже испытывал чувство вины и старался его утихомирить, загладив свой вчерашний срыв на Роме и мне. Но при попытке поговорить, тут же засобирился на работу и сказал, что ему нужно приехать в офис пораньше. Возможно, он пытался избежать этого разговора, понимая, что я от него захочу ответов на неудобные вопросы.

Хорошо, что мы сейчас не обедаем вместе, и я смогу спокойно сходить на разведку к Хромову и узнать, что же явилось причиной его отсутствия, хотя раньше он даже простуду приносил в офис, чтобы щедро поделиться с коллегами, особенно нелюбимыми.

В последний момент я всё же не решилась пойти пешком, а поехала на машине. Интересно было посмотреть, где живёт Рома. Это был один из районов, где небольшую заброшенную промзону точно застроили несколькими новыми высотками, торчащими теперь из густой зелени и низких кирпичных домиков вокруг, как грибы на полянке.

На звонки домофона Рома тоже не ответил, и мне пришлось подождать, пока кто-нибудь выйдет из подъезда, чтобы проскользнуть внутрь. Поднявшись на нужный этаж, я принялась терзать дверной звонок нужной квартиры, ужасный электрический звук мог бы вывести из себя кого угодно, но дверь никак не открывалась.

– Ром? – не выдержала и позвала громко я, постучав ладошкой по железной двери. – Ром! Если ты дома, просто скажи, что в порядке, и я уйду!

Последнее я добавила уже потому, то появилось стойкое ощущение, что он не хочет меня видеть или слышать. Но замок вдруг тихо щёлкнул, и дверь чуть приоткрылась, являя темноту внутри.

– Ром? Всё хорошо? Ты чего? – я чуть толкнула его дверь, чтобы понять где он сам.

– Что случилось? – тихо и как-то сонно спросила Рома, всё же открывая дверь шире, ну тут же шурясь и отворачиваясь от света.

– Это я и хотела узнать. Что с тобой?

– М-м, ясно, – Рома сделал шаг назад в квартиру, исчезая в тени.

– Ром? – он явно ушёл от двери, чем крайне удивил меня. Не пригласил, не позвал войти, просто растворился.

Поэтому я толкнула дверь шире и вошла, чтобы увидеть, как он исчезает в дверном проёме. Я даже спросить ничего не успела, а тем более понять. Поэтому просто аккуратно закрыла за собой дверь и сделала несколько шагов за ним, чтобы заглянуть в комнату, куда он отправился без объяснений.

Это оказалась спальня с минимумом мебели и плотно задвинутыми шторами. В полутьме, необычной для середины дня, Рома, одетый в одни пижамные штаны, уже устраивался поудобней на кровати, обнимая подушку и отворачиваясь ко мне спиной. Лёг набок и подтянул колени, будто собрался спать, не обращая на меня внимания.

– Не разувайся, – не оборачиваясь, тихо сказал он, – там стёкла.

Я резко остановилась и посмотрела под ноги, потом вокруг себя.

– Где? – переспросила, не обнаружив ничего.

– Где-то... не помню, – отмахнулся он и глубоко вздохнул, будто сейчас уснёт.

Я забеспокоилась, прошла по комнате, помня о загадочных стёклах, и наклонилась над ним у кровати с той стороны, где всё же могла видеть его лицо. Темнота вокруг, странное поведение, спутанные цифры на часах.

– Ром, тебе плохо? – я пригляделась, чтобы увидеть его сдвинутые брови и тёмный синяк на скуле. Он же ударился головой, когда упал! Я потрясла его немного за плечо, – Ром, не спи. У тебя сотрясение, я сейчас вызову скорую!

Но он медленно поднял руку и взял меня за запястье.

– Не надо, я уже, – ответил он, не открывая глаз.

– Что уже?

– Был...

– Когда, ночью? Ты уже вызывал скорую? Ром, не молчи, пожалуйста!

– Крис... – устало вздохнул он и отпустил меня, – иди домой...

– Ну уж нет! – выпрямилась я над ним, – я уже один раз ушла. Больше я тебя не брошу!

Глава 10 – Крошка в моей постели

– Ром... – кто-то звал меня и, кажется, даже немного тряс за плечо. Только ради того, чтобы попросить этого больше не делать стоило открыть глаза. Но веки, будто свинцом налились.

И не только веки, в мозг вылили неплохую порцию раскалённого чугуна, и он там благополучно застыл, приняв форму, очень сильно отличающуюся от моей черепушки. Сзади особенно.

Этот некто отстал совсем ненадолго и дал погрузиться в оглушающе тихий сон всего на секунду или две, а потом снова начал пытаться вытряхнуть из меня сознание.

– Рома...

– М-м? – пришлось подать голос в надежде, что это я объясняю долго и основательно, что лучше дать мне поспать и не трясти. Не сразу до меня дошло, что это всего одна согласная из запланированного монолога. Да и чёрт с ней.

– Ром, проснись. Хоть воды немного попей.

Вода! Это слово меня пробудило намного лучше, чем тряска. Пить хотелось ужасно, будто я сутки не пил ничего. Точней не так, пил, но не воду, а что-то крепкое. Перед глазами вдруг поплыли смазанные картины: красная помада на соблазнительных губах, спускающихся поцелуями по моему животу к... язык у меня во рту со вкусом рисовой водки...

Я сухо сглотнул от мысли про водку, и разомкнул сначала слипшиеся губы, а потом и глаза. В полумраке не сразу разглядел фигуру рядом со мной. Кто-то сидел рядом на краю кровати и держал в руках стакан с водой.

– Вот так, просыпайся.

– Крис? – я узнал её тихий голос, что она тут делает? Откуда она тут взялась? И где это «тут»?

Я моргнул несколько раз, чтобы два изображения собрались в одно, и перед глазами чётко вырисовалась моя собственная спальня. Ну, слава богу, я хоть у себя дома, а не у Кристины. А то сейчас пришёл бы её муж, и было бы сложно объяснить, что я делаю в кровати в пижамных штанах, которые едва на мне держатся... и...

Я потерял мысль.

– Привстань немного, попей, – Кристина чуть приобняла меня за плечи и помогла немного приподняться, опираясь на локоть. Подсунула под нос стакан с водой, и я жадно припал к краю, едва помогая ей держать его.

Живительная прохладная вода потекла по пересохшему руслу внутри меня, возвращая к жизни и отчасти к сознанию, которое до этого будто не хотело включаться в голове. В темноте было намного спокойней и приятней. Так хотелось пить, что я поднял руку и попытался заливать в себя воду быстрее, отчего тут же облился, но не дал ей забрать у меня стакан, пока всё не допил.

После этого я глубоко вздохнул и лёг обратно на подушку, закрывая глаза. Кажется, только этого и не хватало в моей жизни. После стакана воды, конечно. Голова кружилась нещадно, такого мощного «вертолёта» я не помнил со времён студенческих попок на спор.

– Я нашла стёкла, – тихо сказал Кристина и начала вытирать моё лицо, шею и часть груди салфеткой от пролившейся воды.

Я приоткрыл один глаз.

– Стёкла?

– Ты сказал, не разуваться, потому что там стёкла. Я их нашла, ты на кухне разбил стакан, пытаешься попить.

– Да? – переспросил я, пытаюсь вспомнить. Если немного напрягать мозг, было больно, но да, я вспомнил про стакан воды, который налил ночью из-под крана, но потом уронил куда-то. Так и не попил, поэтому так жутко сушило.

– Я всё убрала, – продолжила Кристина виноватым голосом и я начал вспоминать, почему она здесь. Как пришла, как долго пыталась вызвонить мой мозг из черепа, а потом ещё и стучала, звала по имени и не давала спать, пока я ей дверь не открою.

А ещё я вспомнил кулак Матвея, летящий в моё лицо и фейерверк после этого. Кажется, от встречи с поездом или грузовиком.

– Ты номер не записала? – внезапно для себя продолжил мысль я, даже не сразу поняв, что озвучил её вслух.

– Что? Какой номер? – спросила она и удивлённо подняла брови.

– Поезда, который меня сбил.

– Этот поезд зовут Матвей, Ром. Ты не помнишь? – она вмиг погрузилась, и вместо удивления на её лице появилось сожаление.

– Помню... наверное.

Если сильно напрягаться, то я вспоминал вчерашний вечер с Беляевой, наш почти секс и позорный побег, чтобы спасти Кристину. Который закончился не так замечательно, как я себе воображал. Рыцарь, примчавшийся к деве на вырубку, позорно свалился с коня и едва ли дал сдачи обидчику. Я помнил, как этот урод кричал на Кристину и обвинял в измене. Как говорил, чтобы она выбирала.

Учитывая то, что потом я сидел один на тёмной стоянке и ждал такси, она выбрала не меня.

– Почему ты не ушла домой, Крис? – я вновь приоткрыл глаза, потому что чувствовал её присутствие рядом со мной.

Честно не мог понять, что она тут делает, раз сделала свой окончательный выбор между мной и своим недомужем. На грудь будто что-то тяжёлое прилегло от этой мысли, даже после того, как я сорвался среди ночи к ней, она выбрала не меня. Быть может, я слишком многого хочу от бедной девочки? Она почти замужем, и не виновата, что вляпалась в меня пару месяцев назад. Ей не нужен был ещё один ухажёр неудачник, который будет ходить по пятам и вздыхать, прикрываясь словами о дружбе. А сам только и думать о том, как поцеловать её ещё раз. Даже если для этого придётся утонуть самому. Лишь бы она была рядом и вдохнула в меня жизнь...

Моя Кристина...

Я как последний идиот вдруг погрузился в прошлое, вспоминая её тело в моих руках, обнажённые плечи... влажные губы... Я закрыл глаза, забывая, о чём говорил только что, потому что меня окружал её запах, её улыбка, её невероятные каре-зеленые глаза с длинными ресницами, так близко ко мне... Я видел, как они закрываются перед тем, как я коснусь её губ своими...

Маленькая мягкая ладонь легла на мои волосы, и я всплыл в настоящее из утаскивающей меня в глубину темноты. Вздохнул, расставаясь со сладостным воспоминанием, и снова открыл глаза.

– Я не могу уйти второй раз, – ответила Кристина и снова провела пальцами по волосам, потом ладошкой по щеке, а я растаял от этого жеста, желая прилипнуть к её руке и не отрываться больше.

– Почему? – с надеждой задал я вопрос, глядя на её поблескивающие в полумраке комнаты глаза. Скажи, что я тебе не безразличен. Пожалуйста!

Кристина молчала слишком долго, почти целую вечность. Или пару секунд. А потом вздохнула.

– Я чувствую, что должна остаться. Я нужна тебе.

– Нужна, – я накрыл её ладонь своей, не давая исчезнуть с моего лица, чуть сжал её тонкие пальцы. Но почти сразу почувствовала под рукой обручальное кольцо и иллюзии мои развеялись.

Но она не пыталась забрать свою руку, лишь сидела и очень грустно на меня смотрела.

– Я приготовила тебе обед, – вдруг сказала она, разрушая наше слишком многозначительное молчание. – Ты голоден?

Я хотел покачать головой, потом вспомнил про шишку на затылке и передумал. Сглотнул ком в горле.

– Нет, меня... немного мутит.

– Голова болит? Я тебе сейчас таблетки принесу, – она всё же выскользнула и, встав с кровати, вышла из комнаты.

Мне сразу стало очень одиноко и пусто, пускай мгновение назад я тоже был один, несмотря на сидящую рядом Кристину. Она была всё так же далека от меня, как далека от поверхности Земли Луна, светит ярко, но греет только в мечтах и воображении.

Вернулась она не только с таблетками, но и с подносом, на котором стояла кружка и блюдце с несколькими крекерами. Видимо, от голода она тоже меня решила спасти.

– Ты не ел со вчерашнего дня, от этого тоже мутить может. Так и гастрит твой обострится, тебе же нельзя долго голодать, – начала рассказывать моя заботливая Кристинка мои же болячки. Откуда только помнит такие подробности? – Я тебе бульон сварила нежирный и галеты к нему принесла. Поешь немного, тогда таблетки лучше подействуют, быстрее снимут боль.

Я немного удивлённый заботой, присел повыше, упираясь руками в кровать, и взял протянутую мне кружку, из которой и правда поднимался запах варёной курицы.

– Откуда у меня курица? – я посмотрел на поднос, – и печенки?

– Галеты, – поправила Крис и придержала кружку у меня в руках, когда перед глазами снова всё поплыло. Дождалась, когда я моргну и восстановлю равновесие в уверенно ползущем куда-то в сторону пространстве. – Я немного еды заказала с доставкой, – добавила она, следя за тем, как я осторожно отпиваю тёплый бульон, – у тебя в холодильнике мышь повесилась.

– Надеюсь, ты похоронила её с почестями. Она ветеран, охраняет там пустоту уже неделю, – пошутил я, вспоминая, что очень давно не питался дома, вся еда у меня водилась исключительно на работе и в кафешках после.

– Это ужасно, – посетовала Кристина, протягивая мне квадратную галету и терпеливо дожидаясь, пока я её надкушу. Под её взглядом хотелось быть пай-мальчиком и съесть всё, что она выдаст. Ну и размазня я, конечно. Аж самому неловко. Это всё сотрясение.

Поэтому я взял ещё одну галету с блюдца и затолкал её в рот целиком, но не смог дожевать, поперхнувшись в конце и закашлявшись, разбрасывая вокруг себя крошки. От кашля мой мозг чуть не взорвался, и чтобы череп не раскололся, я придержал его с боков руками.

– Горе ты моё луковое, – Кристина спешно засобиравала с моей голой груди крошки от печенки, – теперь вся постель в крошках будет.

– А я люблю... – я ещё раз закашлялся, – спать с крошками. Хоть так...

Грустно закончил я тупую почти детскую шутку. Кристина сначала замерла, а потом до неё дошло, и тогда тихонько засмеялась.

– Это хороший знак, ты шутишь, как обычно, значит, не всё потеряно.

Я тоже не мог не улыбаться, глядя на неё. Она назвала меня «луковым горем», это было так мило, что хотелось её обнять. Что-то у меня эмоциональность начала зашкаливать, будто я не раненый в бою мужик, а девочка-подросток.

– Как ты вчера домой добрался в таком состоянии? – решила уточнить Кристина, выдавливая из блистера пару таблеток и протягивая их мне с остатками бульона.

Я перестал улыбаться, вспоминая свой длинный и позорный путь домой.

– Э... на такси, – коротко ответил я.

Кристина вновь выглядела виноватой и очень обеспокоенной, кажется, её мучила совесть от того, что она ушла домой с Матвеем, а я остался там. Не могу сказать, что эти угрызения беспочвенны, вчера мне было крайне обидно, хотя сегодня я уже почти и думать об этом забыл. Я был занят в основном сном, да и не девочка я, чтобы возвращать в себе обиды, а потом вываливать на людей обвинения. Не в моём это характере, я уже привык получать от судьбы по яйцам, а от людей по лицу.

И сердцу.

– Я должна была остаться с тобой, вызвать скорую, – Крис сделалась серьёзной. – Я очень сожалею, Ром.

Я махнул на это заявление рукой.

– Забей, это ерунда. Не первый и не последний раз мой качан переживает жёсткую стыковку с твердыми поверхностями. Да и откуда ты могла это понять? Я сам не сразу въехал, только когда в такси блеванул, и мне водила чуть рожу не набил за это.

– О, боже! – она испуганно расширила глаза.

– Всё нормально! Он же меня потом в больницу отвёз, хороший мужик оказался.

– Так почему ты не в больнице? Тебя должны были госпитализировать с сотрясением!

– Да какой? Ты что? У меня проект горит, мне его послезавтра сдавать, а там ещё конь не валялся. Я отказался, конечно же. На том же такси домой уехал, отсыпал водителю чаевых за помощь и спать лёг.

– Да зачем же ты так? Ты что? – завозмушалась Кристина, – я сейчас Петровичу позвоню, всё ему объясню, отпрошу тебя ещё на пару дней. Они и сами проект завершат, без тебя. Тебе лежать надо!

С этими словами она вскочила с кровати и, найдя свою сумку на кресле, вытащила оттуда телефон, и через секунду, выходя из комнаты, уже набирала моему начальнику.

– Нет, Крис, стой! – я попытался встать и остановить её, но как только резко принял полностью вертикальное положение, мир вокруг покачнулся и потемнел в один миг. В голове запульсировала, ещё не утихомирившая боль, а в ушах зазвенело.

– Рома? – её прохладная ладонка снова легла на моё лицо, и я немного пришёл в себя.

Когда зрение прояснилось, я понял, что сижу, опираясь одной ногой на пол и рукой в прикроватную тумбочку. Я сглотнул и глубоко медленно вдохнул, боясь, что малейшее лишнее движение, и я разложу на полу натюрморт из галет.

– Не надо, ложись. Тебя тошнит? – я едва заметно качнул головой, но Кристина правильно поняла ответ. Помогла мне прилечь обратно, только теперь перевернуться на другой бок, потому что правый я отлежал за прошлую половину дня.

Пока я лежал и пытался отдышаться и утихомирить «вертолёт», Кристина снова куда-то уходила, что-то делала, суетилась, наводила какой-то порядок, таскала посуду. Мне от её заботы становилось немного теплей. А, может быть, это от одеяла, которым она меня укрыла по плечи. Кажется, я снова уснул, потому что следующее, что я осознал это, что проснулся от чего-то влажного и прохладного на моей голове.

Я приоткрыл глаза, Кристина сидела рядом со мной на моей широкой двуспальной кровати, поджав ноги, и раскладывала на моей голове какой-то холодный компресс.

– Ты постанываешь во сне, я подумала, что это голова сильно болит.

Я не знал, от чего я могу стонать во сне, но глядя на неё, мне хотелось немного подвывать наяву. Как я буду без неё, когда она уйдёт? Мне так хорошо рядом с ней. Я так устал от одиночества в этой постели и дело даже не в сексе, а в том, что я никому не нужен, кроме озабоченной кадровички.

И Кристины.

А у неё...

– Крис, тебе пора домой, – тихо произнёс я свой большой страх. Я не хотел, чтобы она уходила, но Матвей будет в ярости, пусть он и двулличный козёл, но пока они вместе, ей не стоит его провоцировать на ревность и гнев в свой адрес. Пусть лучше использует меня, как грушу для битья, когда я вернусь в строй, а мой маленькую Крис не трогает.

Кристина долго смотрела на меня в задумчивости, а потом вдруг заплакала, закрыв лицо руками. Я буквально опешил от этого. Растерянно раскрыл рот, но так и не нашёлся, что сказать.

Поэтому я просто потянул её за руку к себе и она, не сопротивляясь, а лишь сильнее всхлипывая, легла рядом и уткнулась в мою грудь, орошая её слезами. Вжалась, будто только я и могу её спасти от нахлынувшей душевной боли, и я решил спасти, как могу, крепко обнял и прижался губами к волосам. Я гладил её по спине и надеялся, что поток слёз иссякнет, и она сможет объяснить мне, что же случилось такого ужасного, что она даже объяснить мне не может. И она не заставила себя долго ждать, ответив на мой незаданный вопрос, не поднимая головы и не прекращая плакать.

– Я... не знаю, что... мне делать, – задыхалась она слезами, – если он и правда. Если Матвей изменяет мне... что мне... – эти слова просто не шли из её уст, заменяясь слезами.

А что ей делать? Как мне ответить ей? Бросить его? Будто бы это так легко. Я только и мог, что сочувственно вздохнуть и погладить её по голове.

– А он... он ведь... всё сходится, – Кристина подняла заплаканное лицо ко мне, по щекам растянулись мокрые дорожки, ресницы слиплись в длинные тёмные треугольнички, – Рома, ты был прав. Я не верила, потому что не хотела этого. Но... – она всхлипнула, и губы её задрожали, – он, наверное, на самом деле. Да?

В конце она задала этот вопрос мне, чтобы я мог подтвердить или опровергнуть измену её мужа. А что мне делать? Забить последний гвоздик в гроб их отношений? Я уже и так постарался в этом направлении за все последние наши встречи, будь неладен мой длинный эгоистичный язык. Но была бы ложь во спасение лучше?

– Он сам проболтался в зале, – жестокий молоточек ударил по гвоздику, – что у него был улётный секс в его новом кожаном кресле.

Кристина смотрела на меня, едва сдерживая слёзы, и ждала продолжения. Или, наоборот, надеялась, что я спасу её брак и скажу, что я всё это выдумал. Но я не выдумал, и носить в себе эту информацию больше не мог, в отличие от Матвея.

– В его кабинете не один раз уборщицы находили презервативы, очень ругались на него. Я слышал, как это обсуждали в бухгалтерии, когда одна из них там днём поливала цветы, а главбухша меня вызывала, чтобы декларации отдать.

– Значит, правда... – из её глаз скатились слезинки и исчезли, соскользнув с щеки.

– Прости, – всё, что мог я сказать.

– Меня... никто никогда... не предавал... – она покачала головой, заглядывая в мои глаза в полумраке. – Я не знаю... что мне делать дальше. Как мне жить дальше?

Она не дождалась от меня ответа, потому что у меня кончились слова. Глядя на её слезы, мне хотелось плакать вместе с ней и убивать того, кто их причина. Жестоко и медленно, за каждую маленькую каплю, ползущую по лицу, за каждый всхлип и дрожь, за всю эту боль, что теперь выливалась мне на грудь, впитываясь сквозь кожу в сердце.

Я обнял её крепче, а Крис лишь сильнее заплакала, теряясь в моих объятьях. Моя маленькая наивная Крис. Где же ты пряталась раньше от этого жестокого мира, если тебя никто и никогда не предавал и не обманывал? В каком сказочно-цветочном уголке ты жила так далеко от всей этой боли раньше?

И что теперь мне делать с этим?

Ну... помимо убийства.

Глава 11 – Гады морские и не очень

Громкий сигнал вывел меня из задумчивости, и я поняла, что до сих стою под светофором, хоть и зажётся зелёный. Другим водителям определённо было не до моих проблем, и они хотели попасть домой в этот вечер.

Я спешно нажала на газ и попыталась сконцентрироваться на дороге, пока не попала в аварию. Я опаздывала домой и уже очень серьёзно, сегодня Матвей ничего не писал и не предупреждал о задержке на работе, поэтому скорей всего он уже дома и перед ним стоит большой вопрос, а где же я?

А я примерно час назад проснулась в кровати у Ромы. Мало того что в кровати, так и ещё в его объятьях, прижатая к тёплой обнажённой груди. В этом немислимом и невозможном коконе спокойствия и надёжности, в котором я заплакала себя до забытья, рассказав ему о своих душевных страданиях. Теперь к моим страданиям прибавились и угрызения совести перед Ромой за то, что вывалила на него в его ослабленном нездоровом состоянии свои проблемы и вынудила утешать, и особенно сильно перед Матвеем, потому что, по сути, я оказалась в постели у другого мужчины.

Я понимала, что это сложная и неоднозначная ситуация и я в постели у Романа оказалась не потому, что изменяю с ним своему гражданскому мужу. Не было никаких намёков ни на чувства, ни на интим. Лишь моя забота о его здоровье в знак большой дружбы, признательности и доверия. А потом мои выплеснувшиеся эмоции, которыми я не смогла с ним не поделиться, и его вечное непреодолимое желание защищать и спасать меня, даже если это совершенно не нужно. Кто мог ожидать, что это приведёт к такому странному финалу в его кровати.

И всё ведь началось именно с того, что он решил спасти меня от предательства Матвея. Пусть и своим особенным способом, рассказав мне об измене в не самый подходящий момент. Хотя... может ли для этого быть момент подходящим?

Теперь я оказалась в самой непростой ситуации в моей жизни и выхода из этого тупика я пока не видала. Может быть, стоило поговорить с кем-то опытным в подобных вещах. И это должен быть точно не Рома, потому что я даже спустя несколько месяцев после Питера я не могу поверить до конца, что он смирился со статусом друга и слабый огонёк надежды всё ещё не теплится в его сердце. Но я не могу дать ему желаемого.

Быть может, эта слабая надежда и портит нашу дружбу. Быть может, это я жестока с ним, не отталкивая до конца, но и не давая приблизиться. От этой мысли отчего-то особенно сильно защемило в груди. Я ведь заставляю страдать ещё и Рому.

А я не хочу этого! Пусть это глупо и наивно, но он мне очень нравится... нет, он мне очень дорог как человек! Я даже сама себе не могу этого объяснить, но Роман занял в моём сердце так много места, даже не будучи объектом моей любви, что стереть его оттуда теперь просто невозможно.

Ну вот! Я опять думаю о Ромке, даже опаздывая домой к мужу!

Господи, как мне во всём этом разобраться?

На стоянке опять почти не осталось мест и мне пришлось вклиниться в самом конце расчерченной площадки между двумя огромными внедорожниками, благо моя машинка довольно компактная, чтобы я смогла из неё ещё и выбраться. Нажав на брелоке блокировку дверей, я вытащила из сумки зеркальце и попыталась рассмотреть в маленький кружочек стекла, прошла ли полоса на моей щеке – отпечаток складки на Роминой подушке.

Я тут же вспомнила, как убегала от него, крепко спящего и беззащитного, бросая одного в квартире с простой только запиской о том, что мне пора уходить и, объяснениями где и какая его ждёт еда в холодильнике, чтобы он мог поужинать, когда проснётся. Сердце забило от волнения за него, вдруг ему опять будет плохо, а он остался без присмотра и поддержки.

Но не успела я захлопнуть зеркальце, как на мои глаза легли руки.

– Угадай кто? – спросил Матвей, подкравшийся незаметно ко мне на стоянке. Будто, слыша его голос, я не догадаюсь тут же, кто это.

– Не знаю, Аркадий Валентинович, вы? – решила отшутиться я.

– Фу! Этот лысый пузан, ты шутишь? – Матвей развернул меня к себе, убирая руки с лица.

– Этот лысый пузан мой начальник, он может поджидать меня в любом месте и в любое время дня и ночи.

Матвей глянул на меня с видом, будто я перебарщиваю с шуткой. А у меня случился ступор, и я не знала, о чём дальше с ним говорить, странная пропасть начала расти между мной и любимым человеком.

– Идём со мной! – воодушевлённо улыбаясь, он потянул меня за руку, и я увидела его машину, стоящую с открытыми дверями в паре метров от нас. Он будто бы ждал меня тут весь вечер на стоянке.

– Куда?

– Это сюрприз! Поехали, тебе понравится! – с этими словами он усадил меня на пассажирское сидение, закрыл дверь и быстро уселся за руль.

Ехали мы недолго, но на вопросы он старался не отвечать, отмахиваясь словами о сюрпризе. В итоге мы приехали к смутно знакомому зданию, кажется, это было кафе или ресторан, в котором...

Матвей галантно помог мне выбраться из машины и снова потянул за руку к широким нарядным дверям. Это действительно оказался ресторан, и я начала вспоминать. Столик у окна, выходящего на небольшой садик, был тем же самым, что Матвей бронировал на наше первое свидание.

Сумбур в моей душе не просто усилился, он закипел как лава внутри вулкана и попытался выплеснуться наружу. Пока я растерянно оглядывалась по сторонам, Матвей усадил меня за столик и уселся напротив, тут же беря мои руки в свои и глядя блестящими чуть ли не влюблёнными глазами.

– Ты помнишь это место? – воодушевлённо спросил он.

– Помню, – я обвела взглядом зал, вид за окном и даже свечи на столе. Романтическая обстановка, белая роза с большим бутонем в узкой прозрачной вазе между нами. Всё точно так же, как было в наше первое официальное свидание, на которое Матвей пригласил меня после месяца ухаживаний и подарков. Такую розу тогда он подарил мне, встречая у дома. Сказал, что она самая прекрасная и единственная на всём белом свете, что заслуживает его внимания. Как и я.

В тот вечер Матвей признался мне в любви. Тогда всё и началось для нас по-настоящему.

Меня захлестнули волны теплоты и романтики, рождённые воспоминаниями, а затем и настоящий прибой любви к этому человеку. Любви, которой я жила уже не короткие месяцы, а годы. Той, что упрочила меня во мнении, что он мой избранник и половинка на всю оставшуюся жизнь. Благодаря ей же я начала называть его мужем, пусть мы и не сразу решили оформить наш статус официально, но давно стали друг для друга настоящей семьёй.

Я для него тоже уже давно была женой. Он называл меня так перед друзьями и родителями, отмахиваясь от уточнений, что фактически я пока что его невеста.

– Кристина, я люблю тебя и хочу вернуть то драгоценное чувство, что между нами было раньше и так быстро потерялось в быту и работе! – сказал Матвей, заглядывая в мои глаза.

– Матвей... – я сжала его пальцы в ответ. У меня начинала кружиться голова от этих слов.

– Я чувствую, что между нами растёт напряжение, что ты отдаляешься, забываешь о том, какие мы на самом деле. О том, как я люблю тебя! Я знаю, что это моя вина, и я уделяю тебе слишком мало внимания! Я хочу всё вернуть!

Он подозвал официанта и заказал вино и несколько блюд на ужин, тех же самых, что мы заказывали тогда. Даже десерт вспомнил мой любимый. А я смотрела на него и не могла понять, как же такое могло случиться? Как он со всеми этими чувствами мог на самом деле изменить мне?

А изменил ли? Может это всё недопонимание, глупая ошибка? Случайность, которую кто-то неправильно понял?

Как может сочетаться измена и этот влюблённый взгляд?

А Матвей продолжал говорить, почти каждую фразу начиная со слов «помнишь». А помнишь, как я... а помнишь, как ты... а помнишь, как мы...

Столько всего произошло хорошего с нами за эти годы и что можно было бы вспоминать до бесконечности с нежностью. Даже мимолётные ссоры и конфликты меркли на этом фоне.

Я опустила взгляд на его руки, держащие мои, пока он говорит. На правой, на костяшках были едва видны бледные синяки. Синяк на скуле Ромы был намного больше и заметней. Не говоря уже о том, что остался на его затылке от удара о запаску на задней двери внедорожника.

– Помнишь, мы с тобой хотели путешествовать? Давай всё бросим и поедem сейчас в отпуск? Хотя бы на недельку или даже на три дня на выходные? – продолжал Матвей, – полетим на море. Куда хочешь? Мальдивы? Бали? Таиланд? Только ты и я, и солнце вокруг. Буду купать тебя в тёплых волнах, и любить, как раньше.

– А сейчас? – внезапно даже для себя вставила я свой вопрос.

– Что сейчас? – Матвей осёкся и не понял, что я имею в виду.

– Сейчас ты меня так же любишь? Как два года назад, когда мы только начали?

Матвей посмотрел на меня, задумавшись и даже чуть наклонив голову набок, будто пытаюсь понять источник этого вопроса в моей голове.

– Конечно, не так же, – решил он на ответ, – иначе. Но по-другому, не значит хуже. Я люблю тебя сильнее, основательней. Это уже не легкомысленная влюблённость с бабочками в животе и звёздочками в глазах. – Он начал гладить меня по руке и продолжил объяснение, – наша любовь теперь более зрелая и крепкая, более устойчивая к невзгодам и потрясениям. Более глубокая. А после свадьбы мы с тобой возьмём настоящий большой отпуск на целый месяц, – вдруг резко сменил он тему, – и поедem отдыхать и путешествовать по разным странам, как и задумывали. Чтобы наши отношения укрепились ещё больше!

В моих мыслях застряла фраза про невзгоды и потрясения, и так и подмывало спросить его, что он под ней подразумевает. Его измену? Но в этот момент принесли ужин, и официант начал расставлять тарелки с салатами на столе. Затем другой молодой человек в форме ресторана принёс бутылку дорогого вина и начал разливать его по бокалам.

Всё отвлекало меня от того, чтобы задать самый главный вопрос, от которого будет зависеть наше свадебное путешествие по укреплению любви и доверия.

– За нас, любовь моя! – поднял бокал Матвей, и мне пришлось сделать то же самое.

– За нас, – повторила я без такого же энтузиазма, не понимая, чего я тяну и как мне выбраться из этой паутины собственных страхов и нежелания окунаться в реальность. Эта красивая романтическая сказка про нашу любовь была намного приятней.

Вино было очень вкусным и сразу же ударило в голову, заставляя мысли плыть, но расслабиться не позволяло. Моё недоверие к Матвею не могла разрушить эта романтика, слишком глубоко оно успело запустить свои щупальца в сердце. Теперь я только сильнее начала метаться между тем, чтобы поверить Роме об измене или поверить Матвею о любви.

Пока Матвей ел и болтал без умолку, строя планы на свадьбу и после неё, я двигала вилок по тарелке между листьями салата обжаренных морских обитателей, политых аппетитным соусом. Эти гады морские тоже обманчивы, думала я, на вид страшные, на вкус изумительные, но только если повар хорошо их приготовил. А если плохо, то могут стать настоящей отравой.

И вот как понять, слова Матвея для меня – это вкусное блюдо под красивым соусом, а внутри отравы, или он искренне любит меня?

Я слишком долго думала обо всём этом, слишком много сомневалась. Ужин пролетел так быстро, что я так и не успела ничего решить, и домучивая десерт только и боялась того, что сейчас придётся всё же поднять тему и испортить всё впечатление о романтическом вечере, что для меня организовал Матвей.

Я боялась его расстроить, я боялась его разозлить, я боялась, что он мне не изменял, а я зря его подозреваю. Я боялась так много всего одновременно, что мне становилось уже плохо. И дело было точно не в вине или гадах морских.

Дело было во мне.

В моей наивности и доверчивости, в моей неспособности самостоятельно решать проблемы и смотреть им в глаза, задавая неудобные вопросы. Дело было в том, что в моей жизни был всего один серьёзный мужчина, мой первый и единственный Матвей, который ворвался в неё как ураган и превратил наши встречи в полноценный роман, а потом и семейную жизнь. И из целеустремлённой заучки, которую волновала только учёба и работа, он превратил меня в настоящую женщину, любимую, желанную, умелую в постели и уверенную в своих силах в карьере. Которую он же теперь и хотел прервать рождением ребёнка и погружением в семейный быт.

В моей жизни появилось так много всего благодаря Матвею!

Имею ли я право теперь рушить всё это и отвечать ему неблагодарностью за подозрения в измене?

А ещё в моей жизни появился совершенно неожиданный фактор, который как помеха на рельсах, кажется, скоро пустит мой поезд под откос. Я уже чувствую, как на скорости приближаюсь к этой «монетке» положенной на гладь полотна. Ещё немного и произойдёт катастрофа.

И имя ей Роман.

Он зародил всё это в моей душе своими словами.

Но он не мог ничего повернуть вспять и вернуть как было до... до Питера. До измены.

Уже по дороге домой, когда за окнами машины было темно и горящие фонари превращали капельки начавшегося мелкого дождичка в сверкающие на стекле звёздочки, я выдохнула и приняла решение.

Подъехав к дому и запарковавшись, Матвей заглушил двигатель и повернулся ко мне, будто собирался ещё что-то сказать, но вдруг вместо этого притянул меня к себе и начал жадно и страстно целовать. Не обращая внимания на моё удивление и растерянность. С напором и тяжёлым дыханием, он буквально пожирал мои губы, засасывая их и проталкивая в рот язык. Я чувствовала в нём жар и электричество возбуждения. По тому, как он настойчиво вжимался пальцами в мой затылок, а второй рукой заскользил по моему бедру под юбку.

Мои руки, лёгшие ему на плечи, он воспринял совсем не как попытку отстраниться от него, а скорей наоборот как жест согласия и ответной страсти. Он уже начал подаваться вперёд и постанывать мне в рот, засасывая в поцелуй всё сильнее. Для него это был вполне логичный конец этого вечера, жаркий секс прямо в машине под окнами дома.

Но это совсем не совпадало с моим настроением и планами.

– Матвей... Матвей... – в первую же секунду, как его рот отпустил мои губы, я попыталась вдохнуть и отстраниться.

– Я тебя хочу, так хочу тебя, котёнок, ты такая соблазнительная... – его рука скользнула глубоко между ног, и он начал тереть меня там пальцами, пытаясь вызвать ответное возбуждение. Губами он припал к моей шее и начал жадно целовать её и облизывать.

Я шокированная таким напором, лишь неосознанно начала нащупывать ручку двери. Я хотела поговорить! Мне нужно поговорить с ним!

– Матвей, стой... не так... – оттолкнув его ладошкой в грудь, я открыла дверь и выбралась, видя напоследок его тёмный, ошалевший от желания взгляд.

Оказавшись на улице, я быстро огляделась вокруг, было темно и пусто из-за позднего часа. Машина стояла на стоянке крайней и за ней была стена живой изгороди, отделяющая парковку от небольшого сквера.

Матвей выбрался из машины и уже быстрым шагом обошёл её со стороны капота и двинулся на меня. Я неосознанно попятилась мимо дверей в сторону багажника.

– Я не могу больше терпеть, я не хочу больше терпеть. Я так хочу тебя, а ты всё время занята и устала, – он вновь нагнал меня и принялся обнимать и целовать в шею, я чувствовала, как он засасывает и покусывает кожу, постанывая от нетерпения и оставляя на мне следы, словно ставя печати.

– Матвей, прошу... я должна... – «поговорить с тобой» я сказать не успела, потому что мой рот снова попал в плен его губ, и он заткнул его, не позволяя вырваться ни одному слову.

Глава 12 – Это просто дождь

Матвей целовал меня жадно, будто, наконец, смог заполучить долгожданный приз и теперь собирался его съесть целиком. Одна рука уже расстёгивала пуговицы на блузке и справившись всего с несколькими, уже влезла внутрь, добираясь мимо белья до груди и сразу же сжимая её, пока я пыталась хоть как-то вырваться из его хватки и поцелуя. Моя спина была вжата в боковую дверь, и выбираться было больше некуда из этой ловушки губ и рук. Когда он придавил меня собой к машине, я почувствовала бедром его каменный стояк, торчащий под брюками.

Но когда он резким движением одной руки задрал мою юбку практически до пояса и тут же сдвинул трусы набок, чтобы забраться пальцами к телу и тут же начал яростно и быстро тереть мои губы и клитор, я не выдержала и вскрикнула.

Но звук этот был непонятен даже мне, ибо был смесью стона возмущения, возбуждения и одновременно с этим страха, которые смешались в дикой пропорции, заставляя подкашиваться ноги. Я не могла понять, бежать мне хочется от этой грубой ласки или раздвинуть ноги шире. Матвей уже громко стонал, ритмично вдавливая меня в бок машины и двигая рукой.

– Какая сладкая, какая мокрая... какая моя... – я услышала, как расстёгивается молния на его брюках.

– Матвей... не надо... не хочу так, – я попыталась остановить его руки, отстраниться, да хоть что-нибудь.

– Конечно, так, конечно, хочешь... – он укусил меня за шею, а потом вдруг резко развернул и уложил животом на багажник. – Ты же вся течёшь, ты хочешь меня!

Не слушая никаких объяснений и возражений, он просто вставил мне сзади так резко и глубоко, что я вскрикнула и тут же почувствовала руку на своём лице, которой он зажал мне рот. Второй рукой он схватил за грудь и начал ритмично вдавливать в меня, громко дыша в плечо и раскачивая машину. На блестящую поверхность багажника упали капли, нас догнал дождь.

Его член двигался быстро и жёстко внутри, механическими движениями заставляя тело подчиняться и подыгрывать, и я уже чувствовала, как он всё мягче идёт по расслабляющимся внутренним мышцам и увлажняющимся смазкой стенкам. Моё тело реагировало так, как всегда, реагировало на секс с любимым человеком, начинало получать удовольствие. Внутренние триггеры срабатывали как надо, несмотря на то, что мы были на улице, что я была распластана с задранной юбкой на капоте машины, и нас мог увидеть любой прохожий, вышедший прогулять собачку среди ночи.

Я начала стонать в его руку на моих губах, сама не понимая, возмущаюсь я и протестую или прошу продолжать. Сознание моё сопротивлялось, но тело играло в какую-то свою игру, принимая жёсткие правила.

– Кончай, кончай, я знаю, ты хочешь, – продолжал громко и хрипло шептать он, ни на миг не замедляясь, а только жёстче и глубже засаживая свой крупный член, почти разрывая меня внутренними ощущениями.

– Нет, – зачем-то простонала я. Всё же не этого я хотела. Не так, не здесь...

– Кончай, кончай! – настоял Матвей, ускоряясь ещё больше так, что у меня звёзды перед глазами поплыли, а внутренности заныли от ударов куда-то в матку. – Кончай!

Почти прорычал он, запуская руку между моим животом и багажником, пальцами дотянулся по лобку, ниже до клитора и с силой сжал его, а потом начал тереть короткими движениями. Я вскрикнула и выгнулась в его руках, моё тело забилося в конвульсиях, высеченных самым нечестным способом, против которого не было способа противостояния.

– Да! – простонал Матвей, натягивая меня на себя ещё глубже. – Да! Да! Вот та-ак! – протянул он и, сжав зубы в конце, согнулся в спазме, кончая внутрь меня. По его члену прошла волна, выталкивающая сперму и ещё одна за ней, и ещё. Я чувствовала, как он вздрагивает внутри, каждое крохотное движение замученными стенками и входом. Как из меня течет через край, а Матвей со стоном укладывается на меня, вдавливая в жёсткий багажник ещё сильнее.

Я уткнулась лицом в свои руки, лежащие на прохладном металле, покрытом мелкими каплями дождя, и пыталась совладать с дыханием. Что это, чёрт возьми... было?! Зачем? Вот так?

– Я знал, что тебе просто... не хватает страсти, – хрипел Матвей отпуская наконец мою грудь и медленно вытаскивая мокрый и опадающий член. – Потому и думаешь всякую... ерунду про измену.

И едва он отодвинулся, я резко развернулась и залепила ему пощёчину.

– Ты охренела?! – он шокировано приложил ладонь в щеке.

– Я же сказала тебе «нет»!

– Ну и что, что сказала! Ты же хотела, ты просто ломалась для вида, кто сейчас кончал, как сучка в течке?

Я замахнулась ещё раз, но в этот раз он поймал меня за запястье и больно дёрнул.

– Ты совсем не знаешь, что тебе надо? Да? Я и с лаской к тебе, и свидание, и ужин, всё не то! Всё лицо своё кривишь недовольное! – начал кричать на меня Матвей.

– А это зачем было? – я поправила бельё, пытаюсь не обращать внимания на то, что из меня всё течёт и сочится, как саднит всё растряханное нутро, и быстро опустила юбку.

– Чтобы ты вспомнила, кто здесь мужик! Чего тебе, мало? Страсти? Чувств? Жёсткости? Стонала же подо мной, нравилось же! Почему ты выдумываешь какую-то измену? Что ты ходишь, волком на меня смотришь? Что ещё тебе не так?

– Так ты изменяешь мне или нет? – не выдержала я.

– Я тебя люблю, глупая! Я тебя хочу, почему тебе этого мало? – возмутился Матвей, застёгивая штаны и отходя в сторону.

– Изменяешь? – тише спросила я.

– Что ты докопалась до меня? Я тебя только что трахнул, целовать должна и спасибо говорить, а не претензии высказывать! Устроил тебе сеанс страсти, жаркий, необычный, как ты хотела!

– Не хотела я никогда такого! Ни разу не просила трахнуть меня на парковке!

– Ты же сама говорила! Сама просила пожётче!

– Я... – я сделала ударение на этом слове, – никогда такого не просила!

Матвей едва заметно изменился в лице, потом вдруг что-то решил для себя.

– Значит, твоё тело, подавало мне ложные сигналы!

– Какие ещё сигналы? Что ты несёшь? – я почти кричала на него, понимая, что он мне говорит о чьих-то чужих желаниях, которые он перепутал и принял за мои.

– Где ты была сегодня днём? – вдруг спросил Матвей.

– Что?

– Я спускался к тебе в кабинет после обеда, хотел поговорить, а мне сказали, что ты ушла по семейным обстоятельствам! – он ткнул в меня обвиняющим пальцем.

– Нигде! – огрызнулась я, совершенно не думая о том, как это звучит.

– Ты у него была? У Хромова? – прикрикнул он, – я и к нему зашёл, и его тоже не было на месте!

Я решила уйти и закончить этот разговор. Всё, с меня хватит этих бессмысленных сцен ревности на радость соседям. Матвей поймал меня за руку и вновь прижал к машине.

– Отвечай, когда я спрашиваю! Что ты делала у Хромова?

– То и делала! – я рванула свою руку из его хватки, но на этом дело закончилось, потому что его сила против моей была слишком велика, я не могла выбраться.

– Трахалась с ним! – это даже на вопрос не было похоже. – Это из-за него ты меня больше не хочешь!

– Не трахалась! С чего ты вообще такое взял? Он дома был, ему плохо! Из-за тебя он головой ударился и у него сотрясение! Он с кровати едва встать может! – почти криком объяснила я. – Вот почему я там была, твои косяки исправляла!

– Сосала прощение за меня? – зло выплюнул он слова.

Я распахнула в изумлении глаза на эту реплику.

– Ты совсем с ума сошёл? У тебя только секс на уме?

– Что мне ещё думать? Я и так закрывал на вас глаза! Про вас весь офис знает, что вы ходите друг за другом! Все знают, что вы спали в Питере!

– Что?! Откуда ты это взял? Мы никогда не спали с Хромовым! Ни в Питере, нигде!

– А где доказательства? Как ты мне это докажешь? Я считаю, что он соблазнил тебя и трахнул в Питере, ты этого опровергнуть не можешь! И все в офисе так считают! Только и ходят об этом слухи! А ты отнекиваешься!

– Какие ещё слухи? Как ты можешь вот так просто верить слухам?

– А ты? – тише, но с вызовом спросил Матвей. – Ты как им можешь верить? Кто-то пустил слух, что я с кем-то спал на работе и ты быстренько поверила? Да? Так это было? Может, Хромов сам их и пустил, чтобы рассорить нас? Чтобы влезть между нами и занять моё место? Может, так было, а Кристина?

Я сжала губы. Возможно, именно так всё и было.

– Нет, не так! – упрямо повторила я, уже не уверенная ни в чём в глубине души.

Кому из них мне верить? Рома ведь меня никогда не обманывал. Но и Матвей тоже. Хотелось сжать голову руками и закричать.

– Ты веришь слухам, которые распускает твой же дружок! – злился Матвей, – тот самый, который на тебя с командировки слюни пускает. И из-за этого ты решила, что стоит разрушить наши отношения? Стоит поверить ему? Что он там выдумал? Про презервативы в мусорке, так он сказал? Какие нахрен презервативы?

– Откуда я знаю? – на меня начала накатывать волна откровенной истерики, – ты мне скажи!

– Не было никаких презервативов! Я только с тобой сплю! Хочешь ты в это верить или нет! Лучше за собой последи и тщательней шифруйся, когда бегаешь к Хромову! Чтобы потом мне не приходилось выслушивать все эти теории о том, трахнул он тебя в Питере или нет. Да блядь, в конторе ставки делают на это! Мне каково с этим жить? Ваша чёртова командировка всё испортила! И твой грёбанный Хромов!

Мои губы задрожали, из глаз покатались слёзы, но выдавить из себя ещё хоть какие-то слова я не могла. Это ведь он изменяет мне, а не я ему! Как такое могло повернуться против меня? Это я предатель или он? Что мне делать?

– Я много работаю! Я выбиваю себе повышение, чтобы у нас было много денег! – он отошёл от меня, пылая от гнева, – я пашу как проклятый и по ночам, чтобы после свадьбы ты могла сидеть дома! Беременная и довольная жизнью! Чтобы ты ни в чём не нуждалась! Ни ты, ни наш ребёнок! А ты мне решаешь предъявлять какую-то измену! Ты? Что тебе ещё от меня надо, что быть счастливой? Чтобы я разрешил тебе с Хромовым шпилиться? Официально?

– Причём тут Рома? – крикнула я, чувствуя, как текут слёзы, – оставь его в покое!

– Ты даже сейчас, только о нём и заботишься! А как же я? Ты меня больше не любишь?

– Люблю!

– Я тебе не верю! Как не веришь мне ты, подозревая в жутких грехах! Даже после всего того, что я сделал для тебя сегодня, ты всё равно мне не веришь!

– Я не могу! – почти зарыдала я.

– Чего не можешь? Решить, кто тебе нужен? А кто может?

Я сползла по боку машины и села на корточки, закрывая лицо руками. Остановить этот поток я больше не могла. Поезд сошёл с рельсов окончательно, отправляя всю мою жизнь куда-то в пропасть со всеми вагонами.

– Идём домой! – жёстко сказал Матвей, поднимая меня с земли за локоть.

Я встала, но покачала головой, не в силах больше говорить и не плакать одновременно.

– Что значит «нет»?

– Я поеду... к сестре.

– В таком состоянии? За руль?

– Такси...

– Как знаешь, – Матвей тоже выдохся от этого конфликта и просто махнул на меня рукой. – Поговорим спокойно, когда ты успокоишься и подумаешь о своём поведении. Тебе вызвать?

Я покачала головой и отвернулась от него. Достала телефон из сумки и попыталась сквозь потоки слёз разглядеть хоть какие-то буквы в приложении.

– Дура ты... – кинул напоследок Матвей и просто развернулся и ушёл домой.

Я прикусила язык, чтобы не зареветь в голос. На экране в приложении карты висел последний адрес, который я туда забивала. Дом Ромы.

На мгновение мне захотелось вернуться на несколько часов назад, в тот миг, когда я проснулась в его объятьях и лучшего места, казалось, больше не существует на этой планете. И это добило меня окончательно.

Ведь предатель – это я.

Я вновь сползла по машине к влажному от морозящего всё это время дождика асфальту. Я чувствовала себя полностью изнасилованной. Во всех смыслах этих слов.

Глава 13 – 4, 3, 2, 1 – кончай!

Я сидела на закрытой крышке унитаза и смотрела в экран телефона, не решаясь нажать на кнопку вызова. В который раз погасила его и закрыла глаза. Я совсем как школьница пряталась непонятно от кого в кабинке женского туалета в офисе.

Ночь была бессонной и невыносимо долгой, моя младшая сестра Вероника снимала совсем маленькую квартирку недалеко от университета, родители оплачивали ей большую часть аренды, а она зарабатывала сама себе на пропитание и развлечения, чтобы не быть полностью зависимой. Спать пришлось у неё на диване в кухне-гостиной, но поехать к родителям за город было ещё более безумной идеей. Да и мама начала бы сразу волноваться, что у нас произошло, да отчего мы поссорились.

Она всегда переживала за наши с Матвеем отношения, боялась, наверное, что я сделаю что-то не так и всё испорчу. Для неё Востров был эдаким принцем на белом коне, которого я ждала всю жизнь. Большой, красивый, карьерист при должности и деньгах. Мечта любой мамы для своей дочери. И не дай бог, я что-то сделаю не так чтобы поломать эту сказку.

Кажется, не зря она боялась.

Не знаю, я ли всё испортила, или Матвей, но я не разговаривала с ним со вчерашнего дня, и желания пока не возникало. Мне хватило одного разговора на парковке под дождём, чтобы понять, что я не хочу видеть его лица и тем более говорить с ним.

Вчерашний вечер начавшийся, как романтическое свидание и попытка вернуть любовь, закончился почти изнасилованием и скандалом. Настоящее безумие, оставившее меня в полном раздрае и почти истерике.

Но сегодня у меня не было выбора и пришлось идти на работу, даже учитывая риск встретиться с ним в офисе. Переодеться в свою одежду я не смогла и поэтому пришлось одолжить у сестры её одежду, более-менее похожую на положенную по дресс-коду. Благо сегодня пятница и по внешнему виду можно допустить какие-то вольности, иначе мои облегающие чёрные джинсы и светло-серая рубашка оверсайз смотрелись бы крайне вызывающе. Хорошо хоть мои туфли лодочки с ними сочетались, и не пришлось идти в кедах.

Невольно вспомнился забавный момент, что после того, как Рома спросил, почему я так ужасно одевалась на работу в невзрачные серые костюмы, я внезапно начала носить облегающие юбки и воздушные блузки. Неужели это он сподвиг меня на это?

Рома действительно что-то изменил во мне, да так, что я не заметила, а вот все остальные, а самое главное Матвей, очень даже.

Но всё это лирика, и я, в общем-то, торчу в туалете не просто так.

Сейчас мне нужно самым банальнейшим образом просто... позвонить Роме и спросить, как он себя чувствует. Со вчерашнего дня могло случиться что-то, например, ему стало хуже, а он никому не позвонил и ничего не сказал. Но этот звонок, даже не будучи совершенным, вызывал у меня такую удушающую волну чувства вины, что я не могла вдохнуть. Как же Матвей умудрился меня заставить испытывать этот стыд от общения с Хромовым, даже несмотря на то, что я сама точно знала, что ничего между нами не было!

Я была честна, но страдала, будто это я изменила ему.

Снова включив экран, я уставилась на список контактов.

Да что же это такое? Просто нажми кнопку и слушай его голос!

Я почти уже коснулась его имени, как в туалет кто-то вошёл, хлопнув дверью, и послышался голос:

– Мы так не договаривались! – громко возмутилась Беляева и я затаилась. Вот уж с кем не хотела бы сейчас пересечься, так это с ней.

Лучше подождать минутку, чтобы она и её подружка ушли. Но Катя, похоже, была одна и говорила по телефону, потому что вместо реплики второго человека был слышен только её голос.

– Это уже не мои проблемы, как ты будешь выпутываться. Я не лезу в твои дела, а ты обещал не лезть в мои. Оставь Хромова в покое, он тут вообще никаким боком не замешан.

Я напряглась, с кем это она обсуждает Рому, и кто там собирался его беспокоить?

Беляева рассмеялась над чем-то и включила кран, послышался шум воды. А потому её слова стало сложнее различить.

– Ты излишне самоуверен, смотри не пожалей об этом, – продолжила она, – однажды ты допрыгаешься, помняи моё слово. – Она снова рассмеялась, – интересное предложение. А что мне за это будет?

Катя, похоже, стояла перед зеркалом и смотрелась в него, продолжая разговор, но рискнуть и выглянуть я не решалась.

– Нет, так не пойдёт, – возмутилась она, – этого слишком мало, плюс своё основное условие я озвучила. Подумай ещё, что ты можешь предложить мне за такие неудобства. И помни, ты даже не дышишь в его сторону, понял?

Нет, это точно речь идёт про Романа, и я не выдержала и тут же вышла из кабинки, пряча телефон в задний карман так, что его не было видно под рубашкой.

– Привет, – дежурно поздоровалась я с кадрочивкой и открыла воду, чтобы помыть руки. Я просто зашла в туалет, как обычно, а не сидела в кабинке, утирая соплю полчаса не меньше.

Беляева завершила звонок и почти искренне улыбнулась, подвинула к себе небольшую косметичку и достала оттуда помаду.

– Привет, легка на помине, – она обвела ярко-красным свои увеличенные филлерами губы, и они стали казаться ещё больше. Потом перевела на меня взгляд в зеркале. – Твой Матвей интересные вещи меня просит сделать.

– Что? Матвей? – удивилась я. – Что он хотел?

– Узнать, спала ли ты с Хромовым или нет. Уж очень сильно его это интересует, не знаешь почему?

Я застыла с руками, опущенными под струю холодной воды.

– Нет, – сказала я первое, что пришло в голову, но Беляева скептически приподняла одну бровь, – я не спала с ним! Матвей ревнует и злится, поэтому и хочет доказать то, чего нет и не было!

– Я так и думала, – Катя убрала помаду и промокнула губы ещё раз, потом сложила их бантиком и послала сама себе поцелуй в отражении, – вы с Востровым поссорились и теперь копаете друга на друга компромат.

– Ничего я не копаю, – я выключила воду, поняв, что у меня намок край рукава.

– Ну да, – опять она не верила ни во что, из того, что я говорю, – зря, кстати.

– Что зря? Не ищущи компромат?

– Не спала с Хромовым, – она посмотрела на меня свысока, будучи на половину головы выше, ей это давалось с лёгкостью, – он горяч, как никто, – Катя облизнула губы, глядя на меня в зеркало, – а как стонет.

Я почувствовала, как кровь приливает к моему лицу. Зачем она всё это мне говорит? Я уже пожалела, что вышла из кабинки и выдала себя.

– Я пойду, мне пора, – я быстро вытерла руки бумажным полотенцем из держателя у зеркала и уже двинулась в сторону выхода.

– Постой, – Катя позвала меня, и я остановилась, потом медленно к ней повернулась. Она стояла, опираясь круглым бедром на край раковины. – Хочешь дам тебе наводку?

– Какую ещё наводку? – меня она начинала раздражать.

– О Матвее, конечно же, какую ещё? Вам же всем так интересно, с кем он спит.

– Кому всем?

– Так хочешь или нет? – мой вопрос она будто не услышала.

– Так он и правда спит с кем-то? Ты знаешь, с кем? – я пошла сразу напролом, хватит с меня этих игр.

Беляева провела пальцами по своему декольте, поправляя бюст, будто специально старалась покрасоваться передо мной. Плевала я на её силиконовые сиськи.

– Я не скажу с кем, но скажу, где и когда, в обмен на одну услугу.

Я отвела глаза, если и Кате всё известно, то Матвею уже не удастся скрыть от меня свои измены. Я так устала сомневаться и в нём, и в себе, что мне уже, как кислород нужен был ответ на этот вопрос. Верен ли мне Матвей, как он говорит или все его слова сплошной обман, а обвинения меня в измене, попытка прикрыть себя. Слухи и домыслы не могут вечно стоять между нами, там должны оказаться факты измены или доказательства его невиновности.

Но Беляева... я ей не доверяю.

– Какую ещё услугу?

– То есть ты согласна? – ей явно нравилось со мной играть.

– Пока нет, но мне нужна от тебя информация, если ты не врёшь и действительно можешь её дать.

– А зачем мне врать? Я тут лицо тоже заинтересованное в истине.

– Так что за услугу?

– Ты отпустишь Рому и отдашь его мне.

Я моргнула от удивления.

– Что значит отдам?

– Да понятное дело, что. Ты же как собака на сене и сама ему не даёшь и от себя не отпускаешь. Сколько можно мучить парня? Он же умрёт от недотраха или язвы себе заработает, пожалела бы уже.

– Да я... – я аж забыла, как дышать от возмущения, – я его не держу! И «давать» ему не собиралась, мы друзья! Даже в мыслях не было!

– Ага, а я Мона Лиза. Конечно, было, просто ты слишком правильная, чтобы отпустить самой себе вожжи и получить удовольствие. Вообще, не понимаю, как ты так долго продержалась и не оседлала его.

– Ты можешь... прекратить уже это? Я не собираюсь это обсуждать!

– Не будь ханжой, Крис, – Катя покачала головой, – я же не прошу тебя рассказать мне свои эротические фантазии, касающиеся Ромы, я прошу тебя отдать его мне, раз уже тебе он не нужен. Тем более что ты и сама прекрасно понимаешь, что если копать продолжит он, то Матвей в итоге на нём и отыграется. Где, кстати, Рома? Ты знаешь? Он к тебе поехал среди ночи и пропал.

– Знаю, он дома. Болеет. – Я решила не уточнять, что «болеет» он как раз потому, что Матвей на нём уже отыгрался. Это получается, что она права что ли?

– Надо навестить его, – Беляева снова осмотрела себя в зеркале, будто бы мысленно примеряясь к Роме. Я едва не закатила глаза, но она вспомнила о моём присутствии, – так вот! Все будут в выигрыше, ты возьмёшь Матвея за яйца с поличным, Рома, наконец, получит то, что ему на самом деле нужно.

– И что же ему нужно? – не выдержала я смотреть, как она самовлюблённо улыбается.

– Как мило, ты сама себя выдаёшь, спрашивая не о Вострове, а о Ромочке, – Беляева была невероятно довольна собой, – женщина ему нужна, Крис. Женщина! Которая будет его любить и уделять ему внимание, а не ждать, пока он засохнет от одиночества.

– А ты что, собралась его любить?

Катя громко рассмеялась.

– Это уже становится слишком забавно, прости. Но ты хуже собаки на сене. Рома мне нравится, я хочу его. А любовь – дело наживное. Я свой ход уже сделала и защитила его от нападков Вострова, а ты сделаешь? Раз уж так о нём печёшься, – она чуть наклонилась ко мне, – заботишься как о друге.

Почему меня начинало подташнивать от мысли о Роме и этой кукле? Но я ведь не могу за него решать, с кем ему встречаться, если ему нравится Катя, то это его выбор!

Наверное...

Но Катя права, я же думаю совсем не о том мужчине, котором должна.

– Так что ты можешь сказать про Матвея? – я вернула разговор в нужное русло.

– Так мы договорились?

Было у меня мимолётное чувство, что что-то здесь не так и я совершаю ошибку, но потом я осознала, что Рома не вещь и что бы я не пообещала Кате, только он сам будет решать, с кем ему встречаться, спать или нет, кого любить или не любить. А Беляева пусть оставит свои фантазии при себе. Я должна получить от неё информацию!

– Хорошо! Я не буду вам мешать, но Рома сам за себя решит, нравишься ты ему или нет. Катя довольно улыбнулась.

– Учти, меня лучше не обманывать, я всегда забираю долги, даже если кто-то хочет увильнуть.

– Так что с Матвеем? – напирала я.

– Сегодня совещание у всего руководства после шести, – Беляева сложила руки под грудью и посмотрела на свои ногти, растягивая свой ответ и, чтобы помучить меня подольше, – Востров тоже на нём будет. Отсидит до конца и задержится. В офисе уже никого не останется, кроме программеров в ночную смену, это идеальная возможность для него с кем-то встретиться.

– То есть ты просто предполагаешь? – это чувствовалось как обман и неравноценный обмен. – Не точно знаешь с кем и где, а считаешь, что это идеальная возможность?

Предела моему возмущению уже не было.

– А что ты хотела? Чтобы я к тебе в руки его без штанов привела? Я не лезу в чужие дела, а даю возможность самим разобраться. Ты же желаешь разобраться? Вот и дерзай.

– Я уже жалею, что завела этот разговор.

– Как знаешь, не пожалей потом, что не воспользовалась шансом. – Она собрала косметичку со столешницы и проходя мимо меня, чуть криво улыбнулась, – как не воспользовалась им с Хромовым. Теперь уже поздно, не останься с носом с обоими мужиками.

Беляева обошла меня, покачивая бёдрами в узком обтягивающем платье, отправилась к выходу. Я обернулась к зеркалу и посмотрела на себя в отражении. Чем дальше, тем всё хуже становится. Теперь сюда ещё и Катя вклинилась, нельзя ждать ничего хорошего от королевы сплетен. Она ведь и обмануть может. Но лучше ли это, чем обман Матвея?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.